

Часть I

Казахстан. Небольшой азиатский город, в котором живет маленькая русская девочка по имени Аня, а для мамы - самой любимой мамы на свете! - она просто Аннушка.

- Мамочка, дорогая, все у нас будет хорошо, вот увидишь. Ты выздоровеешь, и мы вместе поедem в Москву. Ты ведь обещала, когда я закончу восемь классов, показать самый красивый город в мире - Москву.

- Конечно, поедem, мое солнышко, но не теперь, а попозже, когда я окончательно выздоровею.

Спасибо, что закончила восьмой класс на «отлично», я могу тобой гордиться. Ты для меня единственная радость и надежда в этой жизни.

- Мамуль, знаешь, что я решила? - как взрослая, сказала Аннушка. - Я не пойду в девятый класс, а лучше буду поступать в техникум и.-ш в училище, где стипендия побольше. И еще я смогу по вечерам подрабатывать. Вот увидишь, нам сразу станет намного легче! Не всю же жизнь тебе: меня тянуть. Я уже выросла.

- Разве ты выросла, моя глупышка? И куда же ты надумала поступать?

- Еще не знаю точно ... Может, в медучилище или в училище народных промыслов. «Не знаю», — задумчиво произнесла Аннушка.

- Вот что, дочка, давай договоримся, что никуда ты теперь поступать не станешь. Я ведь знаю, что ты и сама особым желанием не горишь. Заканчивай школу. Твоя учительница сказала мне, что у тебя настоящий литературный талант. Ты ведь и сама мечтаешь поступить в институт, правда? А с деньгами мы как-нибудь выкрутимся, протянем. Тамара Ивановна пообещала найти

тебе учеников-казахов, чтобы ты помогала им по русскому языку. Будешь подрабатывать репетиторством?

- Да, конечно! Но ведь этого мало.

- Ничего, что-нибудь придумаем. Главное, чтобы ты училась.

Да, замечательная мама у Ани. Жаль только, что у нее большое сердце. Из-за Постоянных болезней мама не может жить полной жизнью, отсюда и материальные трудности.

Своего отца Аня не помнит. Она была маленькой, когда отец бросил их и уехал, убежал куда-то далеко, в Россию. А Россия вон какая огромная, искать его все равно что иголку в стогу сена. Да мама и не искала. Гордая! А может, просто не захотела разыскивать такого мужа: пустого, ленивого, эгоистичного. . . Лучше уж вовсе не иметь мужа, чем иметь, да такого. Разве он пример для ребенка?

Конечно, первое время ей было тяжело, но постепенно привыкла и к одиночеству, и к тяжелой мужской работе по дому, и даже рада была, что никто не мешает ей воспитывать Аню.

«Дочурка моя любимая, как я хочу, чтобы ты была счастлива в этой жизни, счастлива. Чтобы выучилась, получила хорошую профессию, а потом встретила достойного человека, честного и умного...» Так думала-гадала Анина мама, глядя, как ее маленькая дочка хлопчет над плитой, готовит матери невкусное, зато полезное, зато полезное для здоровья диетическое блюдо.

- Мамуль, готово! Обязательно все съешь до конца, иначе я беду сердитя!

Аннушка подала маме тарелку, на лету поцеловала в щеку и крикнула: «Пока!» и побежала на улицу.

С тех пор прошло пять трудных лет, очень трудных лет. Аннушка успешно закончила школу и поступила учиться в престижный Литературный институт. Она мечтала стать журналисткой, хотя с тринадцати лет писала стихи и порой настолько удачные, что ими мог бы гордиться настоящий поэт.

Мама Аннушки так полностью и не выздоровела. Жила на лекарствах, часто лежала в больнице. К счастью, в то время медицинское обслуживание в Советском Союзе было бесплатным.

Спустя много лет, уже за границей, вспоминая свое детство и юность, прошедшие в бедности, по западным меркам - почти в нищете, - Анне казалось, что далеко не все было так ужасно при «коммунистическом режиме». Конечно, существовало много запретов, ограничений, общество было подчинено слепой вере в мудрость коммунистической партии, безошибочность ее курса. Разумеется, трезвомыслящие люди прекрасно понимали всю нелепость существующей системы, но открыто высказывать свои убеждения им мешал страх - слишком живы для многих оказывались воспоминания о кровавых ежовских репрессиях и бессмысленной сталинской тирании. Но все же, в той жизни было много хорошего, о чем не стоит забывать.

Образование - бесплатно, медицинское обслуживание - бесплатное, лекарства стоили недорого ... Но главное - в людях жила доброта, отзывчивость, добросердечность, готовность бескорыстно помогать друг другу. Если бы не помощь соседей, друзей, учителей, разве смогла бы Аня с отличием закончить среднюю школу и поступить в престижный институт, не дав своей маме впасть в отчаяние от сознания собственной беспомощности?

Во что же теперь превратилась наша родина - любимая, многострадальная, бедная ... и самая богатая в мире! Она растерзана, разодрана, растащена на куски, ее раны кровоточат, и пока не придумано лекарство, способное остановить неудержимый ток крови, способное заживить эти страшные раны ... Люди изменились, стали другими. Может, и не по своей воле, а их сделали такими: черствыми, эгоистичными, равнодушными ко всему, кроме своего собственного «Я».

Конечно, не все общество стало таким, но проявление низменных инстинктов в нем стало откровеннее и циничнее.

Но все это произойдет несколько лет спустя, а пока Анна успешно заканчивала Литературный институт, с оптимизмом глядя в будущее. Ей казалось, что теперь ее жизнь наладится. Вскоре у нее появится хорошая работа, она сможет зарабатывать и помогать маме ...

В институте Анна была на хорошем счету. Преподаватели прочили ей прекрасное литературное будущее, а молодые люди осыпали комплиментами, вполне заслуженными, надо заметить. Анна выросла красавицей: невысокого роста, хрупкая, с копной длинных волос, цветом напоминающих спелую пшеницу. Ее огромные лучистые глаза взирали на этот мир немного удивленно, а маленький вздернутый носик говорил о врожденной любознательности. Стоит ли удивляться, что у нее было много поклонников?

Но Анна долгое время не могла найти среди них своего кумира. Одни кавалеры ей нравились, другие раздражали своим нахальством, хотя как первые, так и вторые относились к категории юношей без сомнения умных, образованных и интеллигентных, просто время создало такой идеал мужчин: самоуверенных, дерзких,

высокомерных, циничных ... А Анне нравились мужчины не просто умные и интеллигентные, но еще и немного «не от мира сего», робкие, без этого напускного нахальства и наглости ...

И вот, наконец, она впервые по-настоящему влюбилась. Ее избранник казался воплощением идеала: скромный, ненавязчивый, романтик в душе. Их свидания - река поэзии и музыки. Он прекрасно пел, играл на гитаре ... И однажды Анна, вбежав в комнату матери, бросилась ей на шею со словами:

- Ах, мамочка, Николай только что сделал мне предложение. Я так счастлива! Мы договорились, что поженимся после защиты диплом! Мама, ты рада? ... Почему ты молчишь? Разве Коля тебе не нравится?

- Нравится, нравится, мое сокровище, но я за тебя переживаю. Ты ведь у меня натура возвышенная, доверчивая ... Я знаю, ты с Колей давно встречаешься, но... Меня он почему-то настораживает. Даже не могу объяснить, чем именно ...

- Но почему, мам? Ведь он ничего от меня не скрывает, всегда и во всем со мной откровенен.

- Не совсем.

- Не понимаю, - с досадой сказала Анна. -

Он никогда ничем меня не обидел, не задел моего самолюбия.

Почему он тебе не нравится? Он меня любит...

- А чем ты объяснишь эти его таинственные исчезновения то на неделю, то на две? Без предупреждения, внезапно ...

- Он мне объяснил! - вздохнув с облегчением, рассмеялась Анна. - А ты уже, конечно, придумала, что у него кто-то есть на стороне, и всякое другое? Так вот, у него, кроме меня, нет никого, а уезжает он внезапно,

потому что у него на Украине старенькие больные родители, и сестра часто внезапно вызывает его телеграммой.

- Хорошо, если бы все это было правдой, - со вздохом сказала мама. - Но я заметила, что после каждого исчезновения твой Николай возвращается каким-то ... словно он не в себе. Отвечает невпопад, думает все время о своем, ходит вялый, безжизненный. А ведь он молодой, здоровый парень, да еще влюбленный ... Ну, не знаю, дочка, может, он и вправду так за родителей переживает, только я за тебя боюсь, Аня. Сердцем боюсь!

- Не бойся! - убежденно ответила Анна. - Я знаю, что буду с ним счастлива. А что он такой спокойный, так это даже к лучшему, потому что я по натуре как вулкан. Противоположности сходятся.

- Ты хотя бы знаешь, где работает твой жених?

- Конечно! Он работает в театре художником-декоратором, у него там своя мастерская. Мама, какой он талантливый художник! Я видела его работы: одухотворенные, с большой фантазией, немного в стиле Сальвадора Дали. Ах, мама, да не переживай ты так за меня! Знаю, знаю, ты для меня хочешь обязательно принца на белом коне, но в наше время принцы как-то так перевелись, да и белого коня у нас в Казахстане найти трудно, все чаще гнедые.

- Эх, ты, шутница! - с нежностью сказала мама, обнимая Анну. - А может, вы еще пару месяцев повремените?

- Нет, мы уже и заявление подали. Через две недели свадьба, а с послезавтрашнего дня я - дипломированная журналистка, штатный сотрудник газеты «Южный Казахстан». Вот как!

- Хорошо, - со вздохом сказала мама, - поступай как знаешь, главное - будь счастлива, дочка, ведь на свете счастливых людей так мало!

Анна вышла замуж.

Свадьба была скромной. Родители Николая не смогли приехать с Украины, поздравили молодых телеграммой. Со стороны жениха на свадебном обеде присутствовали только друзья - несколько человек из театра. Никаких родственников у Николая в этом казахском городе не было.

Жилотдел предоставил молодым отдельную комнату по соседству с той, где жила Анина мама. Три года тому назад умерла их соседка, и с тех пор в той комнате никто не жил. Когда-то обе квартиры соединяла дверь, но теперь дверной проем в стене был наглухо заложен кирпичом. В этой-то комнате молодожены и начали совместную жизнь. Мама Анны радовалась хотя бы тому, что дочь никуда не переехала, живет поблизости.

Первая неделя супружества прошла безоблачно, но уже на второй неделе Анна стала замечать в поведении Николая некоторые странности, которые не понимала, и не могла найти логического объяснения. Один такой эпизод дал ей повод для долгого мучительного раздумья.

Случилось вот что.

Однажды, вернувшись с работы, Анна принялась оживленно рассказывать мужу о событиях прошедшего рабочего дня, когда заметила, что Николай ее словно не слышит. Он сидел, неподвижно уставившись в одну точку, и молчал.

- Коля, ты меня слушаешь? ...

Не ответил.

- О чем ты думаешь? - удивилась Анна. -

Что-то случилось?

В ответ ни звука.

- Коля, ответь!

Муж никак не отреагировал. Анна подошла к нему, обняла за плечи, легонько встряхнула.

- Коля! Я тебя спрашиваю, почему ты молчишь?

Николай удивленно посмотрел на нее, словно проснувшись, и ласковым голосом виновато произнес:

- Прости, дорогая, я не слышал ... Как-то задумался ... Извини.

- О чем же ты так глубоко задумался? - спросила

Анна, ожидая услышать рассказ о новом творческом замысле, но муж вдруг встал, схватил пиджак, чмокнул ее в щеку, сказал:

- Знаешь, я скоро вернусь, - и выскочил за двери.

Анна даже опомниться не успела.

Поначалу она не придала этому значения, но час проходил за часом, а муж все не возвращался. Анна позвонила в театр, но ей ответили, что Николая там сегодня вообще никто не видел.

Прошли сутки. Анна обзвонила все пункты скорой помощи, обратилась в милицию - без результатов.

Николай исчез, словно сквозь землю провалился. Анна решила позвонить на Украину его родителям: вдруг сестра снова вызвала его срочной телеграммой?

Но украинская родня ответила, что им ничего не известно о местонахождении Николая.

- А часто ли он вас в последнее время навещал? - спросила Анна в надежде, что муж неожиданно решил съездить домой и в это время еще находится в поезде.

Но мать Николая ответила, что за последние два года сын ни разу не приезжал к ним.

Два года?! Анна повесила трубку, все еще не

зная, что и подумать. Так значит, Николай все это время лгал ей, ссылаясь на экстренные визиты на Украину к больным родителям? В чем же тут дело? Зачем он ей лжет и куда исчезает? Ведь что-то за всем этим кроется ... Может быть, мама была права, когда боялась, что у Коли есть другая женщина где-то на стороне. А может быть, даже и дети?

«О, Господи! - с замиранием сердца подумала Анна. - Только бы мама не узнала об этом! Такого удара ей не перенести».

Прошла неделя. Анна солгала матери, что муж уехал в срочную командировку в другой город, на оформление спектакля. В душе она еще надеялась, что эта ложь может оказаться правдой, - недавно Коля рассказывал, что подписал договор с соседним областным театром на оформление спектакля.

. . . Муж возник через неделю. Как ни в чем не бывало, бросился к жене с радостным возгласом:

-Аннушка, привет! У меня отличные новости!

Он был необычно возбужден и темпераментен сверх меры.

- Я подписал целую кучу договоров, а еще договорился о персональной выставке. Скоро у нас начнется новая замечательная жизнь! Мои картины смогут покупать, у нас появятся деньги, много денег, мы с тобой поедем путешествовать вокруг света! – Он говорил и говорил, в неистовом возбуждении бегая по комнате и махая руками. - Анюта, представляешь, меня признали! Мой талант признали, мне прочат великое будущее. Боже, я так счастлив, так счастлив ...

Во время всего этого бурного монолога Анна не произнесла ни слова. Когда муж наконец умолк, она тихо сказала:

-Ты счастлив? А я нет. Мне больно, грустно и обидно.
Почему ты скрыл от меня свою болезнь?

Николай посмотрел на нее с недоумением.

- Какую болезнь? О чем ты? Я совершенно здоров.
Подумай, детка, как я тебя люблю, как мы счастливы ...

- Я тоже тебя люблю, но я несчастна! Мне сказал врач -
да, твой лечащий врач! - что уже слишком поздно что-то
предпринимать, и я вряд ли смогу тебя вылечить. Я
должна тебя предупредить, что не стану за тебя бороться,
а жить так дальше вместе мы не сможем. Пожалуйста,
оставь меня сам и уйди. Ты оскорбил меня, не рассказав о
себе всей правды, оскорбил меня тяжело и незаслуженно.

Николай резко сел на стул, ссутулился, сжал руками
виски.

- Аннушка! - Голос его сорвался в хрип. -Не бросай
меня, я без тебя пропаду... Пожалуйста, поверь мне.
Сейчас, когда меня наконец оценили, все пойдет по-
другому ...

Может быть, раньше, услышав этот искренний шепот,
увидев умоляющий взгляд бесконечно любимого и
дорогого ей человека, Анна и поверила бы ему, но теперь,
когда она сама узнала о нем всю правду ... Как это обычно
и происходит, о «болезни» Николая знали многие. Жена
обо всем узнала последней ...

- Николай, ведь ты уже дважды был женат. Я уверена,
что тем женщинам ты говорил то же самое. В результате -
двое детей растут без отца. Врач объяснил, что твой случай
практически неизлечим. Десять лет хронической
наркомании. Десять лет! ... Без наркотиков ты даже не
можешь работать, а ведь ты мог бы стать настоящим
художником. Прости, но я не имею ни желания, ни права
посвящать свою жизнь тебе. У меня больна мама, и я не
собираюсь укорачивать ей жизнь своим неудавшимся

замужеством. К тому же я мечтала иметь здорового ребенка. Может, и к лучшему, что все обнаружилось в самом начале. Пожалуйста, уйди сейчас, и мы останемся друзьями. Давай расстанемся, пока мы еще любим друг друга, пока мы еще не причинили друг другу лишних страданий. Сам знаешь, от любви до ненависти один шаг. Давай же не сделаем этого шага, оставим все как есть, расстанемся по-хорошему.

Николай молча поднялся, открыл шкаф, достал свой чемодан и, ни слова не говоря, принялся складывать свои вещи. Он ушел в тот же день - тихо, без уговоров, упреков, слез и фальшивых обещаний. Как это ни странно, но живя с ним в одном городе, Анна никогда больше с ним не встретилась, даже случайно, на улице. Когда Анне понадобилось оформить официальный развод, Николай не стал ни в чем препятствовать, просто подписал все нужные бумаги и отправил их почтой, обратившись к суду с просьбой расторгнуть брак заочно, без представления на суде обеих сторон.

Первое время Анна тяжело переживала разочарование в браке, но, с головой уйдя в работу, она вскоре оправилась. В результате в свет вышли два сборника ее стихов - раннего и более зрелого периода. Книжки добавили ее имени популярности, но никакого заметного финансового успеха не принесли.

Прошло еще пять лет, ничем особенно не приметных. Анна продолжала работать в газете. Как и все женщины, надеялась выйти замуж, но так уж получалось, что ее сильная и яркая личность притягивала к себе мужчин слабохарактерных и по натуре порочных, как огонь притягивает ночных мотыльков. Она пережила несколько романов, но все они кончались разочарованием... разочарованием ...

- Аннушка, неужели я так и умру, не увидев своего внука! - не раз сокрушалась мама.

И вот однажды Анна получила от своего главного редактора задание взять интервью у группы западногерманских специалистов, прибывших в их город на строительство нового газоперерабатывающего завода. Она уже привыкла к таким редакционным заданиям, в них не было ничего сложного. Репортажи с фабрик и заводов, интервью с передовиками производства занимали в то время основное пространство любой газетной полосы.

Германские специалисты, как выяснилось, жили не в гостинице, а в специально построенных уютных коттеджах, чтобы люди семейные на весь длительный срок командировки могли привезти свои семьи и обустроиться по-домашнему. Анна неплохо владела немецким и надеялась, что без труда справится с редакционным заданием, но на этот раз многое оказалось иначе, чем она думала. Советские заводские парни давали интервью по бумажке, читая с листка заранее приготовленный текст, а без него выражали свои мысли примитивным сочетанием существительных, глаголов и матерщины. Когда же они хотели порисоваться перед журналисткой, то отписывали по ее адресу сальные двусмысленные шуточки. С немцами общаться оказалось куда проще и приятнее. Они все говорили спокойно, внятно и четко, грамотно выражали мысли, высказывали замечания, не упустили возможности сделать Анне приятные, но ни к чему не обязывающие комплименты. Когда беседа закончилась, все поблагодарили друг друга, пожелали успеха и разошлись.

Все еще находясь под приятным впечатлением от встречи, Анна вернулась в редакцию и, не откладывая, написала репортаж. Главный редактор, прочтя материал,

остался очень доволен и пообещал Анне выписать премию.

На следующее утро газета вышла уже со статьей, а в двенадцать часов дня к Анне заглянула секретарша главного редактора и, вся сияя от переполнявшей ей тайны, наклонившись к машинке, прошептала:

- Там тебя разыскивает высокий красивый блондин явно иностранного происхождения!

Анна непонимающе уставилась на секретаршу:

- Кто-кто разыскивает?

- Иностранец, говорю, и с огромным букетом.

И где это он его, интересно, раздобыл в нашей-то степи? ... Так что ему сказать?

- Скажи, что сейчас выйду.

Как только за секретаршей закрылась дверь,

Анна быстро достала из сумочки косметичку, припудрила нос, подкрасила губы и, стараясь не выдать своего смущения, непринужденно вышла из кабинета в коридор.

- Меня кто-то спрашивал?

- Ах, это вы? - почти без акцента произнес по-русски высокий блондин, ожидавший в коридоре.

- А это я, Рольф, - представился он, переходя на немецкий. - Рольф Шлегель. Спасибо за статью. Мне ее перевели, статья вышла чудесная ... Но еще больше мне понравились вы! Вы-просто необыкновенная.

Он замолчал и некоторое время не сводил с Анны восторженного взгляда.

- Простите, - опомнился он и протянул Анне букет. - Это для вас. Не знаю, любите ли вы такие цветы? Лучших найти не удалось.

Анна, поблагодарив, взяла цветы. Сказала, старательно выговаривая немецкие фразы и боясь наделать ошибок:

- Благодарю вас, цветы очень красивые. Рада, что вам понравилась статья.

- Очень, очень, - восторженно закивал немец.

- Но вы еще больше. Вы замужем?

Анна опешила.

-Нет.

- Какая удача! Нет, вы серьезно не замужем?

Тогда давайте встретимся сегодня вечером, если, конечно, вы не возражаете.

Анна смутилась.

- Сегодня, к сожалению, не могу, у меня мама в больнице, и я должна к ней пойти.

-Тогда завтра или послезавтра, когда вы сможете!

Обещайте. Не отнимайте у меня надежды.

- Хорошо, давайте встретимся завтра в пять часов вечера в центре города, у памятника Ленину.

Это просто найти, вы не заблудитесь. Идет?

- Идет, идет, - по-русски повторил Рольф, сияя счастливой улыбкой.

«Боже, сколько в этом иностранце добродушия и непосредственности! - подумала Анна, когда он ушел. - К тому же, кажется, он очень симпатичный».

Почти всю следующую ночь накануне свидания она не сомкнула глаз. Вечером вернулась от мамы из больницы и допоздна заканчивала для газеты срочную статью, а потом нахлынуло вдохновение. Не удержалась, и тут же принялась записывать внезапно рожденные строки.

Рано утром Анна помчалась на работу, и только в половине пятого вспомнила о свидании. Забежала в туалет, привела себя в порядок и почти без опоздания прибежала к памятнику Ленина.

-Здравствуйтесь! Ужасно боялся, что вы не придете,

- чуть заикаясь от волнения, признался немец, протягивая ей роскошный букет.

- Спасибо! «Какие необыкновенные цветы», — сказала польщенная Анна. - Действительно, редкие!

-Как ивы!

- О, нет ... я-то самая-самая обыкновенная русская девушка, вся в делах и заботах.

- Может быть, сходим куда-нибудь? – Рольф заговорил по-немецки. - И вы мне сможете рассказать поподробнее о своих делах и своих заботах.

Идет?

- Идет! - со смехом ответила Анна. – Вот только вопрос, куда? - Она на секунду задумалась.

- Знаете, тут неподалеку есть одна очаровательная чайная, вон там, на углу.

- Хорошо, чайная так чайная.

- Не удивляйтесь, здесь у нас на каждом шагу чайные как у вас в Европе кафе.

Они зашли и сели в углу за свободный столик. Анна любила приходить сюда: всегда здесь чисто, уютно, и на выбор огромное количество разнообразных сортов чая, да и сладости необыкновенные, восточные: рахат-лукум, шербет, различные сорта халвы ...

Рольф заспал Анну вопросами: откуда она родом, кто ее родители, была ли она замужем, есть ли сейчас у нее друг и кто ее подруги, нравится ли ей ее профессия, и еще многое другое... Анна рассказала Рольфу о своем тяжелом детстве, о больной маме, о разочаровании в первой любви ... Скрыла неудачное замужество, зато прочла наизусть несколько своих стихов. По всей вероятности, немец не понял ни слова, но все равно его глаза горели искренним восторгом. Анна вдруг поняла, что этот высокий, светловолосый красивый мужчина влюблен в нее!

Рольф был в восторге от ее невысокой хрупкой фигуры, его покорила голос Анны, ее глаза и волосы очаровали его, ее тело пробуждало фантазию, ее движения приводили его в трепет.

Они проговорили почти два часа, как вдруг Рольф заявил, глядя Анне в глаза:

- Я понимаю, то, что я собираюсь сейчас сказать, может прозвучать банально и даже глупо. Вы только не смейтесь, но ... Я влюбился! Целиком и полностью, всем мозгом, сердцем, душой и телом, всеми органами чувств. Все во мне подсказывает, что я люблю вас, и ... Понимаете, мне уже почти сорок лет, но такого в моей жизни еще не было, чтобы я, взрослый опытный мужчина, через несколько часов после первого свидания просил женщину выйти за меня замуж. А я именно это собираюсь сейчас сделать.

И прежде, чем Анна успела прийти в себя от такого неожиданного заявления, Рольф поднялся из-за стола, подошел к ней, взял ее за руку и, склонившись, почтительно произнес:

- Анна, выходите за меня замуж, пожалуйста. Мало сказать, что Анна была ошарашена внезапностью предложения. Она ожидала чего угодно, но не признания в любви и предложения руки и сердца! Она чувствовала себя растерянной, не знала, что ответить, да и как? Какими словами? Сказать «нет», ответить отказом? Объяснить, что она совершенно не знает ни самого Рольфа, жителя чужой и далекой Германии, ни его окружения?

Но, с другой стороны, как и всякой женщине, Анне было приятно услышать от уравновешенного европейца столь пылкое признание в чувствах. Сказать Рольфу, что предложение руки и сердца так не делается? Что для нее выйти замуж - это не зайти в чайную на чашку хорошего чая. Замужество означает связь с человеком на долгое

время, на всю жизнь, означает, что отныне она должна быть вместе с супругом ежедневно, недели, месяцы, годы ... Разве она готова связать свою жизнь с Рольфом? Нет!

Это невозможно, ненормально делать серьезное предложение вот так, с бухты-барахты! Один раз она уже обожглась ...

- Рольф, - тихо произнесла Анна, взяв себя в руки. - Сядьте.

Немец послушно сел напротив, все еще держа ее руки в своих.

- Мне приятны ваши слова, даже более того, но... Не обижайтесь, но я ведь совершенно не знаю вас. Вы мне симпатичны, но мне неизвестен ваш характер, привычки, увлечения, ваши друзья, знакомые, родственники ... Чтобы познакомиться поближе, мне необходимо время ... Мне нужно время, чтобы полюбить вас, вы меня понимаете?

- Да, да! Конечно, - воскликнул Рольф. - Извините мне эту бестактность, я был эгоистом, говорил только о своих чувствах. Меня оправдывает лишь то, что я настолько переполнен эмоциями, что признание в любви вырвалось независимо от моей воли. Да, время ... У нас будет сколько угодно времени, чтобы познакомиться поближе, только если вы захотите!

- Хорошо, улыбнулась Анна. - Я согласна с вами встречаться. Может быть, вы еще во мне разочаруетесь, - кокетливо прибавила она.

- Нет, никогда! - поспешно заявил Рольф.

- Все возможно. К тому же хочу вас сразу предупредить: у меня мало свободного времени для свиданий, ведь кроме работы у меня еще одна забота - моя больная мама. Поэтому вы не должны обижаться, если я не всегда смогу уделять вам время.

- Но завтра, надеюсь, мы встретимся?

- Вот и первая преграда. Завтра у меня очень тяжелый день, кроме того - ночное дежурство в редакции. Мы сможем встретиться лишь послезавтра.

- Жаль! - признался Рольф.

Анна заметила, как погасли веселые огоньки в его глазах.

- Но что поделаешь, послезавтра так послезавтра, - поспешно добавил он.

Они стали встречаться. Свидания проходили почти каждый день. Рольф все больше и больше очаровывался Анной. Не было и дня, чтобы он не говорил ей о своих чувствах и своем желании видеть ее своей женой. Анна тоже все крепче и сильнее привязывалась к нему, но ... Странно, что именно привязывалась, а не влюблялась!

Она не понимала саму себя, много раз задавала один и тот же вопрос: почему у нее ни разу не вырвалось слово «люблю», когда она думала или обращалась к Рольфу? Ведь они были уже близки. И находила один правдоподобный ответ: ее отпугивала слишком страстная и необузданная любовь Рольфа.

Он желал обладать ею целиком, от ногтей до кончиков волос. Он словно впитывал ее в себя, поглощал ее, овладевал ею, не оставляя ей возможности чувствовать себя - собой. Он представлял любовь как полное слияние двух любящих, и считал, что Анна должна раствориться и исчезнуть в нем.

«Мы с тобой должны составлять теперь одно целое: одно сердце, один мозг, одно тело», - часом говорил он. Во время близости Рольф испытывал какое-то сверхъестественное наслаждение, похожее на экстаз. Анна, как ни стремилась почувствовать то же самое, ни разу не испытала ничего подобного, и на фоне его постоянных разговоров о взаимном слиянии и родстве

чувств мысль о собственной несостоятельности стала ее постоянным кошмаром и мучением.

Анна боялась его испепеляющей страсти. Если бы она могла любить Ральфа так же страстно, как он, возможно, все было бы иначе, но теперь Анну стала раздражать слепота его чувств. Его совершенно не интересовала ее работа, самочувствие ее мамы, ее подруги и ее литературная карьера. В своей требовательной любви он не замечал ее усталости, ее мучений, ее страха. Анна стала замечать, что он пропускает мимо ушей ее разговоры, словно ему безразлично, что происходит с ней или вокруг нее, главное – чувствовать ее рядом, прикоснуться к ней, обнимать ее, покрывать ее лицо поцелуями ... Каждое расставание с ней он переживал как физическую муку.

Анне каждое их расставание тоже приносило страдания, но совсем по другим причинам.

- Ральф, дорогой, мне кажется, мы вообще не должны жениться, - как-то раз в порыве откровенности высказала она свои чувства. - И вообще встречаться ... Боюсь, я не могу дать тебе то, что ты надеешься от меня получить. Я чувствую себя совершенно исчерпанной, измученной, а ведь мы еще даже не живем вместе. Что же будет после свадьбы? Ведь перед нами вся жизнь. Мне кажется, я к тебе не подхожу, тебе нужна более темпераментная женщина, - боясь вспышки его гнева, негромко закончила она.

Ральф принял ее признание в штыки.

- Ты будешь моей женой! Я добьюсь этого.

Он немного смягчил тон.

- И не бойся моей страсти, это все потому, что я боюсь тебя потерять. Если я буду знать, что ты принадлежишь мне, все будет иначе.

- Не люблю этого слова: «принадлежишь». Ни ты, ни я не можем никому принадлежать. Мы не вещи!

- Я тебя не понимаю.

- Хорошо, хорошо, может быть, по-немецки это слово звучит по-другому, с другим оттенком. Только ты не торопи меня. Я еще не готова стать твоей женой.

Анна старалась высказать все, что коробило ее в их отношениях, как можно мягче. В душе она уже приняла решение никогда и ни за что не выходить за Ральфа замуж. Она не рассказывала матери о своем романе с иностранцем. Единственное, о чем знала мама, - это что Анна познакомилась с одним милым немцем, который приехал в командировку в их город, и они иногда встречаются.

- Он тебе нравится? - спросила однажды мама.

- Сама не знаю. Думаю, да.

- А у него есть семья, дети? ...

- Думаю, что нет, хотя точно не знаю. Он ничего мне об этом не рассказывал.

- Доченька, ты уже раз ошиблась, будь теперь осторожна. Я так хочу, чтобы ты была счастливой. И внука хочу дождаться! - рассмеялась мама.

- Мамуля, золотая, а ты думаешь, что я не хочу?! Хочу, ужасно хочу и выйти замуж, и родить ребеночка... Как ни крути, а уже тридцать лет на носу.

Не стану описывать всех сомнений и терзаний Анны, в спокойную и размеренную жизнь которой вошла эта внезапная и такая изматывающая любовь. Словно бурный поток закружил ее в водовороте противоречивых чувств. Но все сомнения и вопросы отпали сами собой, когда в один прекрасный день Анна узнала, что у нее будет ребенок.

Что она испытала в ту минуту? Радость, безмерную радость! Но следом за радостью в ее сердце снова вполз страх.

«Чего же я так боюсь? - задавала себе вопрос Анна. - Почему не могу радоваться, как все люди, почему даже сейчас я вся внутренне напряжена, словно жду чего-то ужасного. У меня будет желанный ребенок, ребенок от красивого, здорового мужчины, который к тому же безумно меня любит. . . У меня нет поводов для страха!»

Но на самом деле повод был, и подсознательно Анна это понимала. Она чувствовала себя по-женски несостоятельной по отношению к Ральфу и боялась, что рано или поздно это не удастся скрывать. Она чувствовала, что не сможет постоянно удовлетворять ненасытное стремление Ральфа к физической любви, - слишком различными у них оказались темпераменты, - но тогда Анна обвиняла себя в сексуальной слабости, холодности... Ее душил страх, что Ральф однажды поймет это, а с его представлениями о настоящей пылкой любви подобное открытие станет большим ударом.

Расстаться? ... Но за это время Анна успела по-своему полюбить «своего немца», как она называла Ральфа, полюбить его по-русски, в благодарность за его такую яростную, страстную любовь к ней. А тут еще долгожданный ребенок.

Вечером Анна сообщила эту новость Ральфу. Восторгам будущего отца не было границ.

- Как же я счастлив! Безумно, не по-человечески счастлив! У меня будет ребенок от самой прекрасной, самой любимой на свете женщины! Моя плоть и кровь, мой мальчик! Сын! Можешь не сомневаться, у нас будет сын!

Он схватил Анну на руки и понес в спальню. Его переполняла радость, и он, не контролируя своих чувств, покрывал лицо и тело Анны поцелуями, произнося слова любви вперемешку со словами желания ...Он был искренен.

Через месяц Рольф и Анна поженились. Почему через месяц, а не сразу? Произошла одна маленькая, непредвиденная Анной заминка: оказалось, что Рольф был женат.

Анна впервые столкнулась с ложью будущего мужа, и это ее озадачило. Конечно, если бы она с самого начала знала, что Рольф женат и у него трое детей, то никогда не стала бы с ним встречаться. По всей вероятности, для жены Ральфа весть о том, что муж хочет с ней развестись, оказалась не меньшим потрясением. У них было трое еще сравнительно маленьких детей, и процедура развода должна была оказаться для Рольфа длительной и сложной, но он сумел получить все необходимые свидетельства о расторжении брака довольно быстро. Как это ему удалось, осталось для Анны тайной.

Вся эта история с разводом сильно ее огорчила. Она даже предложила Ральфу не регистрировать их отношения в ЗАГСе так скоро после развода, чтобы пощадить чувства его бывшей жены - матери его троих детей, - но Ральф и слышать об этом не захотел.

- Сама виновата, - коротко описал он ситуацию с бывшей супругой. - Холодная расчетливая эгоистка, всю жизнь думала только о себе.

Анна боялась вспышек его раздражительности. Решила: «Будь что будет!»

Итак, свадьбу сыграли через месяц. В тот день мама Анны хорошо себя чувствовала и смогла прийти на свадьбу, чтобы поздравить молодых.

- Я так рада за тебя, счастье мое единственное! - сказала она, обнимая дочь. - Вот увидишь, я не умру, не посмотрев на моего внука. Вижу, что Ральф тебя в самом деле любит. Смотри, как он глаз с тебя не сводит. Ревнует тебя, кажется, даже ко мне!

У Анны в самом деле родился мальчик, хотя и до этого никто не сомневался, что может быть иначе. Сына назвали в честь отца Рольфом.

Малыш рос. Анна уволилась из редакции, потому что после рождения ребенка семья требовала заботы и внимания. Рольф все еще работал в их городе, но срок его командировки подходил к концу, и он оформлял для жены документы, необходимые для ее переезда на постоянное место жительства в Германию.

Квартира, где Анна жила до замужества вместе с мамой, находилась всего в нескольких минутах ходьбы от нового дома, где поселились молодожены. Каждый день Анна с Рольфиком-младшим заходила навестить маму, а порой и несколько раз на день забегала.

Бабушка не могла нарадоваться на своего внуку.

- Ах ты, мой пузырик! Светленький, весь в отца. Береги сыночка, Аня, ох, береги! ... Анна удивилась этой неожиданно вырвавшейся у матери фразе. Уже не в первый раз мама намекала на то, чтобы она внимательно следила за Рольфиком, берегла его.

- Мама, признайся, в чем дело? Почему ты все время говоришь «береги» да «береги»? Ты, муж да Рольфик - вот и все, что у меня есть дорогого в жизни, как же я могу вас не беречь?

Мама долго не признавалась, в чем дело, но однажды не выдержала, проговорила.

- Да все тетя Настя со своим гаданием ... Ох, хоть и не верю я во всю эту мистику, но так она меня напугала, что теперь сердце не на месте, когда о тебе подумаю.

- Ах, мама, ерунда это все! Ну, и что же такого страшного тебе тетя Настя нагадала?

- Да ерунда, в самом деле. Я уже сама на нее злюсь, зачем она меня напугала. Даже накричала на нее.

- И все же, что она нагадала? Раз уж начала, так рассказывай до конца.

- Ой, да чепухи намолочила с три короба, только напугала да смутила напрасно. Говорит: вот поедет твоя Аня на чужбину, а счастья там не увидит. Вместе с родиной и радости ее конец придет. Чужие ее не примут, муж от нее отвернется, да и сыночка, говорит, рядом с ней я почему-то не вижу... Говорит, вижу, что он жив будет, здоровеньким будет расти, но вот рядом с тобой она его не видит ... Несколько раз повторила:

«Ох, и одинокая Анька там будет! Сама-самошенька, как перст!»

- Глупости какие! - рассердилась Анна. - Что только ей в голову взбрело? Навыдумывала бабьих страхов. Как это я не буду рядом со своим сыном? Даже если мы с Ральфом и разведемся, то я ребенка у себя оставлю. Сколько моих подруг разведены, и все сами детей растят. Да и с чего это нам разводиться?

Рольф меня крепко любит, ты сама знаешь ...

- Вот именно, что крепко ... Я в жизни не видела, чтобы мужик так к бабе был привязан, чтобы ни на секунду ее от себя не отпускал. Знаешь, в этом тоже своя ненормальность есть ...

- Мама, и ты куда же! Пойми, на Западе мужчины по-другому воспитаны, у них отношение к женщине другое, они не стыдятся показывать, как наши мужики, что свою

жену и свою семью они ставят на первое место в жизни. Они своих отношений с женой не стесняются.

- Хорошо, если так, - сказала примирительным тоном мама. Она не хотела ссориться с Анной, тем более, настраивать ее против мужа или против предстоящего отъезда за границу. - Я только хотела сказать, чтобы ты крепче сыночка берегла. Вот уедешь в чужую страну. Ты там никогда не жила, никого там не знаешь. Какие там порядки, какие нравы? Не знаешь. Ты там всем будешь чужая. Я не жилец на этом свете, долго не протяну, а перед тобой вся жизнь. Я за тебя боюсь, что одна ты останешься, одна и в чужой стране. Кто тебя защитит, если что? Какие у тебя там будут права? Не знаю. Поэтому и прошу: осторожней будь, береги сына.

Слова матери не только больно задела Анну, но и заставили впервые призадуматься над тем, в чем она, даже оставшись наедине со своими мыслями, упорно не хотела признаться. Она не любила своего мужа! Что же ее привязало к Ральфу? Хотела выйти замуж, хотела родить ребеночка ... Мечтала, как большинство девушек в ее стране, о лучшей жизни. Западная Европа представлялась ей красивой сказкой, почти неосуществимой мечтой. И вот на ее жизненном пути встретился человек, с помощью которого - да! именно с помощью которого! - она может осуществить все свои мечты. И она решила стиснуть зубы и терпеть все, терпеть даже свою нелюбовь к нему, унижительное положение в семье, свою сексуальную неудовлетворенность, страх - только бы достичь всего, о чем она мечтала. А в глубине души, где-то в самых дальних ее тайниках, она тешила себя мыслью, что брак с Ральфом - это дело временное, что, приехав на Запад и обустроившись, она разведется с ним и сможет еще встретить и полюбить достойного человека.

Разумеется, никому, даже самой себе она прямо в этих своих потайных планах не признавалась. Слова гадалки тети Насти запали ей в душу, встревожили, озадачила ... Но и только.

Анна не могла даже представить, что, встав дин раз на путь компромиссов с собственной душой, она все ближе и ближе приближается к событиям, которые станут потом трагедией всей ее жизни.

Это был последний откровенный разговор Анны с мамой. Через неделю матери не стало. Она умерла на руках у дочери, и последними ее словами были: «Аня, береги малыша, береги...»

«Господи! - думала во время похорон Анна.

- Почему наша жизнь так тяжела и несправедлива? Только у меня появился шанс помочь маме, отплатить ей наконец за все то хорошее, что она сделала для меня в жизни, и вот - не успела ... Опоздала ... Почему дорогие люди всегда рано уходят от нас? Почему мы так беспомощны перед смертью?»

Но жизнь продолжалась. Надо было заботиться о ребенке, о муже, о своей семье. Надо было жить дальше. Через два месяца после смерти матери Анна вместе с Ральфом и сыном улетела в Германию.

Часть II

После прохождения всех бюрократических формальностей, которые отняли не только массу времени, но и стоили нервов, Анна наконец вместе с мужем и ребенком смогла спокойно разместиться в салоне первого класса немецкой авиакомпании «Люфтганза».

Спокойно ли? Нет, к сожалению - нет.

«Почему же я совсем не радуюсь тому, что наконец исполняется моя мечта? Что наконец, после стольких лет бедствий, я обрету более спокойную и благополучную жизнь в стране, где мне не придется беспокоиться о завтрашнем дне? Где я смогу всю себя посвятить дому, семье и воспитанию моего дорогого Рольфика- любимого долгожданного сыночка ...»

Анна посмотрела на личико сына - такое чистое, открытое, беззаботное, и сердце ее сжалось от приступа необъяснимого страха.

«Страх неизвестности немой ... неясный трепет ожиданья ...» - слова поэта сами собой пришли в голову.

«Да, страх неизвестности немой! ... Именно страх ...»

За неделю перед отъездом в ее жизни произошло столько перемен к худшему, что Анна и не знала теперь, что ей думать. Дело в том, что Рольф стал совершенно неузнаваем. Его характер, манера поведения - все изменилось. Он стал раздражительным, грубым. Анна старалась не нагнетать обстановку, думая, что все эти негативные метаморфозы вызваны слишком большими сложностями с переездом в Германию.

Еще свежи были воспоминания о смерти матери, но она старалась не омрачать мужу настроения своим личным горем. Однако это не помогало. С Ральфом стало твориться что-то неладное.

Куда вдруг исчезла его влюбленность, его обожание? Куда подевались нежные любовные слова? Каждое

замечание Анны вызывало в нем негодование, любая просьба - злобу. Вместо нежных слов она слышала теперь поток грубостей, а порой и того похлеще - отборную русскую матерщину. Ральф-романтический влюбленный-словно по мановению волшебной палочки у нее на глазах превращался из прекрасного принца в злобного демона.

Откуда в нем возникла эта злоба, доходящая порой до ненависти? Да, теперь Анне казалось, что он ее ненавидит, хотя еще вчера боготворил, готов был носить на руках. Его необузданная любовная страсть превратилась в звериную жажду удовлетворения своих ИНСТИНКТОВ.

С ужасом рисовала теперь Анна перспективу своей будущей семейной жизни с этим человеком.

Когда она впервые столкнулась с его необузданной жестокостью, то плакала, умоляла ее пощадить, оставить в покое ее и ребенка.

- Если я тебе надоела, уезжай, возвращайся к себе на родину! Я с Рольфиком останусь здесь!

Но в ответ услышала:

- Нет, сука! - Это слово он произнес почти без акцента. - Поедешь со мной как миленькая! Я теперь имею право делать с тобой все, что захочу! Ты по закону принадлежишь мне, и все! Поняла, кретинка? Ты теперь будешь делать все, что я прикажу, и плевать я хотел на твою тонкую натуру, на твою образованность. Теперь я тебе отомщу за все муки, которые мне пришлось испытать по твоей милости на наших первых встречах, за все твои отказы под предлогом «я устала, у меня мама болеет» ... Так вот, знай, дорогая, что уже тогда я переспал со всеми твоими подружками, которые смеялись над тобой, вот именно, смеялись!

Анна смотрела на мужа с ужасом.

- Ральф, не оскорбляй меня! Не унижай, я ведь мать твоего ребенка. Ты сам не понимаешь, что говоришь.

- А что ты думала, я стану терпеть все твои отговорки? Да, смеялись над тобой! Любая из твоих подружек счастлива была бы оказаться на твоём месте, а ты! ...

Он грубо схватил ее за руку. Анна вскрикнула.

- Ральф, ты делаешь мне больно!

- А ты мне не делала больно? Хитрая, расчетливая тварь, вцепилась в меня, чтобы вырваться из России, дорваться до лучшей жизни, не так ли?

- Да ты с ума сошел! Ральф, дорогой, между нами происходит что-то необъяснимое. Я не хочу видеть тебя в таком состоянии. Ты прекрасно знаешь, что раз я решилась выйти за тебя замуж, значит, я действительно полюбила тебя, хотя и понимала, что в сексуальном плане не во всем смогу тебя устраивать. Ты сам настоял на нашем браке. Я решилась на него только ради ребенка, хотя и в самом деле успела полюбить тебя за твою преданность, благородство ... Ты теперь стал другим: черствым, бездушным ...

- А все твои увиливания от исполнения супружеских обязанностей? ...

- Супружеские обязанности нельзя выполнять по двадцать четыре часа в сутки! Тебе следовало бы обратиться к врачу, у тебя с этим проблема ...

- К врачу?! Ты посылаешь меня к врачу? - Рольф дико расхохотался. - Да это ты – сексуальная бездарность, ничтожество. Ничего, ты еще пожалеешь своих словах.

Он схватил ее за волосы и со всей силы толкнул в противоположный конец комнаты, к стоящему у стены креслу. Анна ударилась лицом о стену; из носу хлынула кровь. Рольф снова схватил ее, разорвал на ней платье, швырнул на кровать и, не обращая внимания на ее слезы и

крики, принялся насиловать. Услышав крик матери, из соседней комнаты приполз перепуганный малыш и, увидев окровавленную плачущую Анну, тоже расплакался.

«Умру ... Повешусь, покончу с собой, но не позволю ему так надо мной измываться», - думала Анна, испытывая кроме физической боли еще страшную душевную муку.

Она не кричала и не отбивалась, понимая, что сопротивляться у нее не хватит сил, и что этим она лишь подхлестнет садистские наклонности Рольфа.

На следующий день, размышляя над произошедшим накануне первом и страшном семейным скандалом, Анна пришла к ошеломляющему выводу, что ее дорогой супруг вовсе не превращался из прекрасного принца в чудовище ... Он был чудовищем, был им всегда, но лишь теперь она смогла разглядеть его настоящее лицо.

Рольф принадлежал к той категории донжуанов, для которых любовь на первых порах строится на рабском поклонении женщине - объекту своего обожания. Для того, чтобы добиться ее внимания, допускались любые средства: лесть, ложь, притворство. Взамен от женщины требовалась не просто любовь, а рабское подчинение их воле, физическая и духовная покорность, полное растворение в "Эго" своего господина и повелителя.

Пресытившись любовью к одной избраннице, но не получив от нее того, к чему стремился в своей сексуальной ненасытности, Рольф тут же начинал искать новый объект любви. И за этим стояло не просто желание новизны, поиска новых ощущений, освежения чувств (любимое мужское выражение!) У Рольфа эта неудовлетворенность возникала из желания вызывать у покоренной им женщины восторг, умиление, обожание, почти обожествление! В силу своей ограниченности, он искренне

полагал, что способен по-настоящему осчастливить любую женщину.

О женщинах вообще Ральф был низкого мнения. Женщины как личности для него просто не существовал, хотя он прекрасно понимал, что для того, чтобы подольститься к женщине, следует восторгаться ею, оказывать знаки внимания, быть любезным, говорить комплименты, дарить цветы. . . Он знал, что редкая женщина устоит перед такой любовной атакой. Но, добившись взаимности, он становился тираном.

Разумеется, у себя на родине Рольф не мог позволить себе такой роскоши. В Германии женщины имеют равные с мужчинами права, защищены законом, - все, кроме иностранок. Какие права имела приезжая иностранка, которую он приютил под своим кровом, которая плохо знает язык, обычаи и законы принявшей ее страны? Никаких. В течение первых пяти лет она полностью зависит от своего супруга и господина, является его полной законной рабыней.

Пять лет непрерывного брака - так гласит закон. А что потом? Через пять лет брака иностранка может получить некоторые гражданские права - например, право постоянного проживания в стране. Но может - еще не значит получит.

Увозя жену с ребенком в Германию, Ральф прекрасно знал это. Наша несчастная героиня - нет.

«Боже, Боже, сделай так, чтобы не сбылось предсказание тети Насти! - думала Анна в самолете, жалея себя. - Глупая бедная девочка, что тебя ждет на чужбине? Да с маленьким ребенком, да еще рядом с человеком, которого и человеком-то нельзя назвать!»

И вот- прилетели.

В аэропорту их никто не встретил. Рольф взял такси. Подъехали к красивому двухэтажному дому, позвонили. Дверь открыла пожилая женщина. Долго без улыбки смотрела на них, затем сказала:

- Ну что ж, сынок, проходи.

Рольф вошел в коридор. Анна с ребенком плелись сзади.

Войдя в квартиру на первом этаже, мать продолжала говорить с сыном, словно Анны не было в комнате.

- И какого черта ты привез сюда эту русскую, да еще с сопляком? Своих мало? А с виду она совсем сморчок. Получше не мог себе найти? Твои коллеги хоть видных баб привезли, а эта от горшка три вершка.

Фрау Шлегель громко рассмеялась и впервые посмотрела на Анну.

- Раз приехали, чего стоите в пороге? Садитесь

... Рольфус, я вот что решила: будете жить у меня в подвале. Зачем тебе снимать квартиру на несколько месяцев, раз скоро поедешь в Корею? Глядишь, несколько тыщенок и сэкономишь, а деньги всегда понадобятся. Подвал у меня шикарный, Хельмуты вон как завидуют. Немного потеснюсь, освобожу вам большую часть. Вам все равно, кроме кровати, мало что нужно. А малышу можно освободить нишу, там поставим кроватку для него. Во время войны и не в таких условиях жить приходилось.

Анна не могла поверить своим ушам. Да правильно ли она поняла? Неужели эта женщина всерьез предлагает им поместиться в подвале? Эта старуха, должно быть, не в своем уме, если может вполне серьезно им такое советовать. При чем тут война? Сейчас не война, да и приехала она в одну из самых богатых стран Европы ...

Анна с ужасом уставилась на Рольфа. Он что же? Неужели согласится?

Муж промолчал.

Спустились в подвал, предназначенный для хранения всякого хлама. Холодно, затхло, отвратительно пахнет старьем. В углу - куча залежалого барахла. Свет падает из единственного маленького окошка под самым потолком, на уровне земли. И, разумеется, никакого отопления.

- Рольф! - Анна умоляюще посмотрела на мужа. - Неужели мы останемся жить в этой дыре? Ты ведь говорил, что у тебя в этом доме, на втором этаже, собственная трехкомнатная квартира. Почему мы не можем жить в ней?

- Почему, почему, - огрызнулся Рольф. – Да потому, что в той квартире живут мои дети!

- А Рольфик разве не твой ребенок? И ты согласишься, чтобы он жил в подвале?

- А чем тебе тут не нравится? Наведешь порядок, ты ведь у нас мастерица в этом, - с легким оттенком пренебрежения произнес муж. - Зато деньги сэкономим. А через три месяца меня отправят в Корею, там будет шикарный дом. Потерпим.

- Но ведь это целых три месяца, - прошептала Анна. На глаза ее навернулись слезы.

«Хорошо, что мама этого не узнает! ... Как же я буду жить с малышом в таких условиях? Ни ванной, ни горячей воды, ни туалета ...»

- Не волнуйся, в туалет и помыться будем ходить к маме, электроплитку я завтра принесу, а насчет отопления ... Ребенка надо с детства закалять. Посмотри на меня, здоров и полон сил, а все потому, что мать не нежилась со мной, как с тепличным растением.

Анна поняла, что просить и уговаривать бесполезно. Неделю она приводила подвал в божеский вид, чтобы он хотя бы походил на человеческое жилье. Старалась как

можно больше гулять с Рольфиком на свежем воздухе, чтобы мальчик не сидел в полутемном помещении. Со свекровью общего языка найти не удалось, хоть Анна и старалась быть милой. Фрау Шлегель смотрела на новую жену сына как на ненужную вещь, да и к младшему внуку особой симпатии не проявляла, а может, просто не верила, что Рольфик действительно ее внук.

Зато сколько радости и восторгов подымалось в квартире фрау Шлегель, когда в гости к ней приходили дети Рольфа от первого брака! Разумеется, тогда ни Рольф, ни свекровь не вспоминали про Анну и ее сынишку. Наверху, над головой Анны, начиналась веселая возня, топот маленьких детских ножек, веселые крики, в подвал долетали вкусные запахи праздничного обеда, и никто наверху не думал о том, что внизу, в подвале, сидят, ежась от холода, маленькая хрупкая женщина из далекой России и маленький мальчик - законная жена и законный сын господина Рольфа Шлегеля.

Что же делать? Как вырваться отсюда? Как освободиться от мужа, стать независимой, создать нормальные условия жизни для ребенка? ... На все эти вопросы ответов у Анны не было. Не раз за это время у нее возникала мысль о самоубийстве, но, взглянув на беспомощное личико сына, она гнала ее. Что станет без матери с Рольфиком? Кто позаботится о нем в чужой стране?

Все эти долгие месяцы житья на родине ее муж опускался в своем поведении все ниже и ниже. Он временно не работал - до следующей командировки. Свободное время просиживал в барах, возвращался домой пьяный. Не раздеваясь, в одежде, пропитанной запахом табака и алкоголя вперемешку с запахом пота, он швырял жену на узкое «супружеское ложе» и молча, грубо

удовлетворял свою похоть, не обращая внимания даже на присутствие ребенка. Наутро просыпался поздно, вставал, насвистывая, если находился в хорошем расположении духа, одевался и, не сказав жене ни «Доброе утро», ни «Как дела?», поднимался из подвала в квартиру матери.

Прошли обещанные Рольфом три месяца, но в жизни Анны и ее сына не произошло никаких перемен.

- Рольф, - заявила однажды Анна, выбрав для разговора подходящую минуту, когда муж был трезв и в хорошем настроении, - я не могу больше жить в таких условиях. Здесь, в Германии, даже собаки живут лучше, чем твой сын и твоя жена. Вчера я случайно познакомилась с одной русской, у нее дочь - ровесница нашего Рольфика. Она мне рассказала, что ее муж погиб в автокатастрофе, и кроме пенсии, она получает от государства социальное пособие, которого ей вполне хватает на себя и на ребенка ... Может и мне обратиться в службу соцобеспечения?

- Дура, - благодушно заметил Рольф, - при живом муже тебе никто ничем не поможет, а я пока на тот свет не собираюсь. А что, тебе мало тех денег, что я тебе даю?

- Конечно мало. На двести марок в месяц не выкрутишься, ведь ребенку нужно питание, фрукты, витамины ...

- Учись экономить, - раздраженно произнес Рольф. - Привыкла в России транжирить, а тут деньги приходится зарабатывать своим трудом, и мне, а не тебе.

- Что можно сэкономить из двухсот марок?!

- Ладно, ладно, успокойся. Завтра я улетаю в Корею. Эта новость стала для Анны полной неожиданностью.

- Как завтра? А мы?

- А тебе отказали в визе. Им не понравился твой паспорт. - В голосе мужа слышались злорадные нотки. Он свысока посмотрел на Анну. – Вот так-то!

- И что же, ты уедешь, а я с ребенком останусь жить в этом подвале? - в отчаянии воскликнула Анна.

- Да успокойся, не реви! Дадут тебе визу, я уже узнавал, только попозже. Прилетите ко мне потом.

Денег я тебе оставляю.

В тот день у Ральфа впервые за много месяцев было хорошее настроение, он даже стал чем-то напоминать Анне того прежнего симпатягу, который трепетно ухаживал за ней у нее на родине. На прощание Ральф пригласил жену пообедать в ресторане. Впервые фрау Шлегель согласилась посидеть с внуком, пока сын с женой отлучатся из дома. По пути Рольф завел Анну в магазин и неожиданно сделал ей подарок: купил туфли, о которых она мечтала с первого дня приезда в Германию. В тот день он был внимателен и даже нежен.

Анна воспрянула духом. Кто знает, может быть, все плохое кончилось, и в Корее они с Ральфом снова заживут весело и дружно, как и подобает любящей паре?

Муж отправился в новую командировку, а Анна осталась с сыном в Германии. Оформление визы все затягивалось. Прошло почти два месяца. За это время Анне удалось лишь пару раз переговорить с мужем по телефону. Рольф звонил нечасто, к тому же фрау Шлегель не всегда звала Анну к телефону. И вот, наконец, виза была оформлена. Анна с сыном смогла вылететь к мужу в Корею.

Всю дорогу она со страхом ожидала первой встречи, понимая, что от этого зависит все ее будущее. Порой тревожное ожидание сменялось робкой надеждой на то,

что теперь, когда они будут жить в лучших условиях, их отношения с Рольфом наладятся.

Но Ральф встретил ее прохладно. Буркнул: «Привет!», сдержанно чмокнул в щеку. Зато хоть к сынишке проявил большой интерес: схватил на руки, расцеловал, стал рассказывать, какие замечательные новые игрушки ожидают Рольфика в их новой квартире... Глядя, как Рольф суетится вокруг сына, словно старается оттянуть разговор с женой и даже избегает ее взгляда, Анны почувствовала неладное.

«Он ведет себя как нашкодивший мальчишка, - мелькнула мысль. - Что-то явно старается от меня скрыть. Слишком неестественно и громко смеется, рассказывает о всякой чепухе ... На мои вопросы отвечает невпопад ...»

У Анны засосало под ложечкой от внезапной догадки.

«У него здесь другая женщина! ... Господи, если это так, я пропала! Если он снова влюбился, ни о какой совместной жизни не может быть и речи, все кончено...»

Она слишком хорошо знала натуру Рольфа. Стоило вспомнить, как он вел себя после их знакомства: весь мир перестал для него существовать, не колеблясь, он перешагнул тогда через первый брак, оставив троих детей, чтобы жениться на женщине, которую полюбил безумно и, как оказалось, на краткий миг ...

Приехали в квартиру, предоставленную Рольфу корейской стороной. Анна огляделась по сторонам. Какая роскошь, какая красота!

«Вот бы нам такую квартиру в Германии вместо подвала, - невольно подумала она, оглядывая свое новое жилье. - Может, тогда бы и с Ральфом у меня все сложилось иначе ...»

Заметив приятное удивление жены, Рольф не дал Анне опомниться.

- Располагайся, проходи, - широким жестом обвел он апартаменты, - пользуйся всем, что тут есть, продукты в холодильнике, а мне нужно на часок отлучиться. Скоро вернусь!

Он махнул рукой и выскочил за дверь.

Анна успела разобрать чемоданы, навести порядок, приготовить обед, устроить малыша в его новой детской, а муж все не возвращался. Он не вернулся ни через три часа, ни через шесть. В ту ночь он вообще не пришел ночевать. Вернулся лишь на другой день под вечер, после работы, и как ни в чем не бывало с порога заявил:

- Обед готов? Так соскучился по европейской кухне!

Пока Рольф с аппетитом уплетал приготовленные блюда Анна сидела напротив него за столом и не сводила с него пристального взгляда. Рольф молчал, делал вид, что не замечает.

- Почему ты не предупредил, что мне нет смысла сюда приезжать? - первой нарушила молчание Анна.

Рольф промолчал.

- У тебя здесь другая женщина? Можешь быть со мной откровенен, я не собираюсь устраивать по этому поводу истерику. Я просто интересуюсь: у тебя новая женщина? Кто она?

- Она необыкновенная! - выпалил Рольф, блестя глазами. - Хотя она и кореянка, и даже, может, не так красива, как ты, но зато ... Ах, Боже мой, какая она горячая! В ней столько страсти, темперамента, желаний, тебе это даже трудно себе представить, ведь ты ...

- А она знает, что ты женат и у тебя есть ребенок?
- перебила Анна.

- Конечно, знает, но она не придает этому никакого значения. Она просто любит меня, и у нас все великолепно, а остальное не важно.

- Все великолепно в смысле секса?

- Да, в сексе! В сексе! - Рольф смотрел теперь прямо на Анну, и в его тоне был вызов. – Хороший секс- самое главное в жизни. Тебе этого никогда не понять. Если бы была хотя бы наполовину такой страстной, как она, может, между нами и не произошло бы такого. Но для тебя все в жизни стоит на первом плане, кроме постели! Я тебе был нужен только для того, чтобы заиметь ребенка и свалить со мной из нищей России. Да если бы ты была такой же темпераментной, я бы боготворил тебя, я бы носил тебя на руках!

По лицу Рольфа было ясно, что он говорит это совершенно искренне. Анна невольно усмехнулась - то же обожание, те же горячие слова восхищения она когда-то слышала от него в свой адрес.

- Посмотрим, сколько продлится твоя очередная великая любовь... Кем она работает?

- Это не имеет значения, - мгновенно ощетинился Рольф, словно Анна нападала на его избранницу.

- Мне просто любопытно, кто она по профессии?

- Я же сказал, что это не имеет значения. Главное, я ее люблю, понятно?

Анна стала о чем-то догадываться.

- Значит, нигде не работает. . . А если у нее к тому же нет ни мужа, ни обеспеченных родителей, то она зарабатывает на жизнь другим способом ... Сколько ты ей платишь?

- Двести марок, - вырвалось у Рольфа, не ожидавшего такого внезапного вопроса.

- За одну ночь?!

- Да, да, за ночь! - разозлился муж, поняв, что попал в западню, и отпираться нет смысла. – Но теперь она только

со мной. Я снял для нее квартиру, и она больше ни с кем не встречается. Я вас познакомлю!

- Он пришел в восторг от собственной идеи. -Точно, я вас познакомлю, вот увидишь, она тебе тоже понравится!

- Двести марок! - прошипела сквозь зубы Анна, вставая и медленно пододвигаясь к мужу. – Двести марок за одну ночь ... - Она вплотную подошла к Ральфу и неожиданно со всего маху вlepила ему пощечину. - Проститутке даешь двести марок за ночь, а своему законному сыну и жене двести марок на месяц выдавал, - заорала она, ударив второй раз. - Проститутке снял квартиру, а сын с женой в холодном подвале! ...

Ральф впервые видел Анну в такой ярости. Он опешил и даже испугался. Чего угодно ожидал от жены в эту минуту слез, попреков, но, чтобы она, безропотная бессловесная рабыня, решилаcь поднять на него руку?

Впервые он не посмел ударить жену. Лишь закрылся от нее руками.

- Сумасшедшая, - пробормотал, отходя на всякий случай подальше.

- А ты нормальный? Поменять жену и сына на проститутку- это нормально? Да еще собираешься знакомить жену со своей шлюхой! Ты кретин, сексуальный маньяк, больной! Ограниченное ничтожество! Я тебе отомщу за все твои издевательства, ты запомни: развода не получишь! Никогда, ни за что тебе развода не дам, запомни это!

Лицо Рольфа превратилось в каменную маску.

- Дура, сама себе подписала приговор, - железным тоном произнес он. - Теперь точно женюсь на ней, вот увидишь.

-Никогда! - в бессильной ярости прокричала Анна. - Не получишь от меня развода!

- Тебя никто и не спросит. Достаточно двух свидетелей с моей стороны, чтобы тебя признали психически ненормальной. - Рольф посмотрел на жену с торжествующей усмешкой.

Анна стояла перед ним растрепанная, с искаженным от злости и отчаяния лицом, все еще повторяя:

«Я тебя уничтожу, я тебя еще уничтожу ...»

- Впрочем, зачем деньги на свидетелей тратить, любому, кто на тебя посмотрит, и так станет ясно, что ты - ненормальная!

Оттолкнув жену с такой силой, что она упала на ковер, Рольф вышел из дома, хлопнув дверью.

Лежа на полу, Анна рыдала, пока не услышала рядом дрожащий от страха детский голосок:

- Мама, мамочка, почему ты плачешь?

Она подняла залитое слезами лицо и с нежностью посмотрела на Рольфика. Малыш протянул к ней ручки.

- Не плачь! Тебе больно? Ты упала? Дай, я поцелую, и перестанет ...

Сынишка крепко обнял Анну за шею, поцеловал в щеку.

- Ты у меня самая хорошая мама на свете, я тебя очень, очень люблю, - прошептал он ей на ухо.

- А я у тебя самый хороший мальчик на свете, правда?

- Правда, сынок, правда, - стараясь не плакать, отвечала Анна, крепко прижимая к себе Рольфика.

- Ты мой самый лучший, самый-самый-пресамый любимый мальчик, мое сокровище ... Только ты меня и держишь в этой жизни.

Прошел месяц.

Муж почти не появлялся дома, а если и забегал ненадолго, то с Анной не разговаривал. Молча выкладывал перед ней деньги на хозяйство или вносил на

кухню пакеты с продуктами. Иногда играл с сыном. Анна решила отыскать женщину, с которой проводил все свободное время ее муж, и поговорить с ней. Узнать адрес любовницы Ральфа не составляло труда. Ральф не скрывал от своих коллег романа с корейкой, а по соседству с Анной жило много семей германских специалистов, были даже знакомые из их города, и многих возмущало поведение Ральфа. Однажды, выбрав время, когда муж был на работе, Анна взяла сынишку и отправилась по адресу на квартиру, которую Ральф снимал для своей любовницы.

Дверь Анне открыла высокая стройная женщина лет сорока с небольшим, с рано постаревшим лицом. Увидев в дверях европейскую даму, корейка правильно по-немецки произнесла:

- Вы ко мне?

- Наверное, к вам. Я жена Ральфа Шлегеля, а это его сын. Простите, я не знаю вашего имени.

- Мин Чин Сани, - не смущаясь, представилась женщина. - Можно просто Мин.

- Мне необходимо с вами поговорить, Мин.

- Пожалуйста, проходите. Извините за беспорядок, я не ожидала визита, я готовлю обед, - сказала корейка, скрываясь на кухне.

- Для Рольфа?

- Да, для него тоже. Ну, и младший брат с сестрой должны прийти. Вы присаживайтесь! – отвечала из кухни Мин.

В комнату доносились запахи азиатской кухни, бульканье кастрюль и скворчание сковородок. Через минуту Мин вышла - наверное, сделала поменьше огонь под кастрюлями. Села напротив Анны, вопросительно глядя ей в глаза.

- Вот что, Мин, у нас с вами будет короткий разговор.
На что вы рассчитываете в будущем?

- Рольф хочет, чтобы мы поженились.

- При живой жене? Как вы это себе представляете?

- Рольф сказал, что с вашей стороны никаких возражений не будет, так как вы его давно разлюбили и между вами уже год нет супружеских отношений.

Вы ведь дадите ему развод, правда?

- Нет, не дам, - жестко сказала Анна.

Кореянка впервые за весь разговор выдала свое удивление.

- Почему?

- Потому, дорогая, что мой супруг Рольф патологический лжец. Он не сказал вам, что до самого дня его приезда в Корею мы не прерывали супружеских отношений, которых он требовал от меня несколько раз на день, не спрашивая ни о моем самочувствии, ни о моих желаниях. Вы уже могли убедиться в его сексуальной ненасытности? Знайте, его внезапная страсть к вам - это своего рода болезнь, которая пройдет так же внезапно, как и началась. Я хорошо знаю своего мужа, можете мне поверить, он бросит вас, как только почувствует, что вы больше не можете удовлетворять его инстинкты. Думаю, как женщина, вы должны меня понять. Неужели вы и теперь хотите выйти за него замуж?

- Конечно! - воскликнула Мин, глядя на Анну широко распахнутыми глазами. - Конечно! А какая женщина в моей стране не хотела бы выйти замуж за европейца и уехать подальше от нашей нищеты? Да еще женщина моего возраста и моей профессии. А Рольф, несмотря на мое прошлое, сделал мне настоящее предложение! Даже если все, что вы рассказали про него, правда, мне это совершенно безразлично. Я буду любить его таким, какой

он есть, буду исполнять все его желания. Если он захочет, чтобы я была его рабыней, я стану рабыней! У меня появился шанс вырваться отсюда, где меня ждет одинокая старость и нищета. Я вас тоже понимаю, вы мне даже нравитесь, мне вас искренне жаль, но у вас передо мной столько преимуществ: вы моложе меня, красивее, образованнее и, главное, вы - европейка! У вас чудесный сын, у вас еще вся жизнь впереди, а для меня Рольф – последняя надежда! Не отнимайте его у меня!

По лицу Мин покатались слезы.

Анна поняла, что разговор, на который она возлагала большие надежды, оказался бессмысленным. Эта женщина добровольно не уйдет с дороги, она будет всеми силами бороться за то, что в ее представлении казалось счастьем.

Со вздохом Анна поднялась со стула.

- До свидания, Мин. Все же подумайте о моих словах. Дай вам Бог счастья, которого вы так ждете, но поверьте моему опыту - придет день, когда вы проклянете все, о чем сейчас мечтаете, и пожалеете о том, что оставили в своей стране, пусть даже бедной, но своей, где есть друзья, родные ... Прощайте!

Вернувшись домой, Анна принялась обдумывать сложившееся положение. Как поступить? Что предпринять теперь? Вернуться на родину, домой? Но куда возвращаться, и к кому? Советский Союз распался, и она, русская, внезапно оказалась гражданкой азиатского государства Республики Казахстан. Какие там теперь порядки, какая жизнь? Черт знает! После смерти матери ни родных, ни близких у нее на родине не осталось, так что даже ночь переночевать негде.

Мамину квартиру отняло государство. Работы нет, и как ее получить? Столько лет ведь не работала по

профессии ... Да и нужна ли теперь Казахстану русскоязычная журналистка?

Анна вспомнила письмо, которое получила перед самым отъездом из Германии от своей знакомой, тоже русской, живущей в Казахстане.

Подруга писала, что все изменилось в их городе после развала СССР. Откуда ни возьмись, появилась вражда между русскими и казахами, теперь все только и говорят, что о погромах, убийствах, изнасилованиях.

«Как тебе повезло! - писала подруга. – Живешь в цивилизованной стране, как у Христа за пазухой, не то, что мы ...» («Знала бы ты мое истинное положение, небось не позавидовала бы!»)

Нет, вернуться в Казахстан с маленьким Рольфиком она не может. Какое у него там будущее? Ради ребенка должна приложить все усилия, чтобы остаться в Германии. Как это сделать?

«Я должна серьезно поговорить с Ральфом! На этот раз спокойно, без скандалов, просто по-человечески. Должен же он меня понять! Ведь Рольфик и его ребенок тоже. И он к нему неплохо относится. Неужели захочет, чтобы я увезла малыша в Казахстан?»

Едва дождавшись, когда муж в очередной раз заглянет домой, Анна сделала над собой усилие и первой нарушила молчание, длившееся больше месяца.

- Рольф, пожалуйста, давай поговорим о нашей жизни. Ведь так вечно продолжаться не может, нужно найти какой-то выход ...

- Я уже нашел, - перебил муж. - Ты даешь мне развод. Я оставляю тебе шесть тысяч марок. Для России это огромная сумма, я знаю. И ты с ребенком уезжаешь из Германии. Ты ведь этого хотела? ...

Ты сама предлагала мне это перед отъездом из Казахстана, но тогда я не хотел оставлять тебе моего сына ...

- А теперь это уже не твой сын? – съязвила Анна.

- Могу еще до его совершеннолетия высылать тебе каждый месяц сто марок, - пропуская мимо ушей ее замечание, продолжал Ральф. – Устраивает тебя мой план?

- Нет, разумеется, не устраивает. Если бы ты предложил это до моего отъезда в Германию, когда у меня еще была своя квартира и работа ... Но сейчас, после отделения Казахстана от России, это невозможно.

Я русская, твой сын – наполовину русский, наполовину немец, кому мы нужны в независимом Казахстане? Русские отсюда бегут, как от войны, а ты выпихиваешь меня туда с Рольфиком? Если уезжать, то только в Россию, а там за шесть тысяч марок, которые ты так щедро бросаешь к моим ногам, даже маленькую квартирку теперь не купишь. Все изменилось, Ральф, все изменилось, как ты этого не видишь? Я твоя жена, и если в Германии есть закон, то посмотрим, как он отнесется к человеку, который бил жену, полгода держал ее в подвале с маленьким ребенком, а потом и вовсе выставил за дверь потому, что решил жениться на старой корейской шлюхе! Завтра же я улетаю обратно в Германию и обращаюсь там в службу социальной опеки. Посмотрим, что с тобой будет, если я им все это расскажу.

Ральф расвирепел. Угрозы Анны вызвали в нем прилив ярости.

- Ты сама русская шлюха! Нашла кого пугать!

Я гражданин своей страны и все законы там на моей стороне, Германия - это тебе не Россия!

Снова, как ни старалась Анна кончить дело миром, разговор с мужем вылился в гнусный скандалище с дракой и взаимными оскорблениями.

Через пару дней Анна, как и обещала, вместе с сыном возвратилась в Германию. Свекровь уже знала от Ральфа об их возвращении. Встретила Анну сухо.

- Много выиграла попреками? - сказала она, давая понять, что в курсе всех ее проблем с мужем.

- Хотя, должна честно признать, я против вашего развода. Устала от постоянных женитьб Ральфа, но помочь тебе ничем не могу. Сама видишь, квартира у меня маленькая, живу не богато. Если хочешь обратиться в «социал», то пожалуйста, не рассказывай там всего про Ральфа, пожалей мою старость. Зачем мне такая репутация? Скажи, что сама ушла от мужа, потому что разлюбила и хочешь жить с ребенком отдельно. Может, Ральф еще и одумается ... Не привезет же он сюда, в самом деле, свою косоглазую?

В голосе фрау Шлегель послышалась явная тревога.

- Привезет, фрау Шлегель, можете даже не сомневаться. Точно привезет, хотя бы мне назло. Свекровь разозлилась.

- Ну, уж этого я точно не потерплю! Не пущу ее в дом, вот увидишь!

- Мне Уже все равно. С Ральфом у меня никогда жизни не будет. Все можно терпеть и прощать, но до определенного момента. У меня этот момент уже наступил.

На следующий же день Анна позвонила своей новой знакомой Асе, - той самой русской, с которой познакомилась случайно в магазине, и которая рассказала, что ее муж-немец погиб в автокатастрофе, и что теперь она живет со своей дочкой на пособие от «социала». Ася

пообещала завтра же отвести Анну в службу социальной опеки.

Женщины встретились на следующий день. Ася отвезла Анну в контору, где работники социальной службы очень внимательно и с сочувствием выслушали проблемы Анны, но. . . ответили, что помочь ей в данный момент ничем не могут, поскольку по закону она все еще является законной женой господина Шлегеля, - здорового, трудоспособного, работающего гражданина, который в состоянии сам позаботиться о материальном обеспечении своей жены и ребенка.

Анна в подавленном настроении поплелась обратно в свой подвал. Ася постаралась ее утешить.

- Не переживай! Найдем управу и на твоего муженька. Главное - не унывать. Знаешь, что? У меня есть две знакомые старушки, совершенно очаровательные, ты могла бы у них работать. Ничего сложного, сходить в магазин, в аптеку, приготовить обед, убратся в квартире. Я сама работаю у таких же старичков, всего у меня четыре человека, платят от 10 до 12 марок в час плюс деньги на проезд. Вот тебе и первая независимость от мужа.

Анна посмотрела на подругу, не веря своим ушам. Получить работу! Это же просто замечательно!

- И еще, тебе нужно познакомиться с нормальными людьми, - советовала Ася. - А то так жить без общения, недолго и чокнуться. Ничего, я тебя познакомлю со своими друзьями.

- Куда же я пойду с ребенком? - робко запротестовала Анна, думая, что фрау Шлегель ни за что не согласится посидеть с Рольфиком, пока она будет гулять.

- А Рольфика можешь оставлять вместе с моей Кариной у моей свекрови, она баба хорошая. Тебе надо вылезти из своего подвала и оглядеться, и вот увидишь, сколько

хороших людей среди немцев! А то ты решила, наверняка, что в Германии живут сплошные Ральфы. Нет, дорогая, к счастью - нет! Ты не представляешь, какой у меня муж был замечательный: добрый, внимательный, заботливый, любил нас ...

Голос Аси задрожал, на глаза навернулись слезы, но она через силу улыбнулась и продолжала:

- Если бы не его друзья и его мама, не знаю, как бы я пережила ... Так что не унывай, посмотри на мою Карину, какая красавица-невеста растет для твоего Рольфика!

Анна с любовью посмотрела на подругу. Сам Бог послал ей эту женщину! Сколько в ней теплоты и отзывчивости, а главное - оптимизма, а ведь сколько горя перенесла. Впервые за много-много месяцев, возвращаясь в подвал фрау Шлегель, Анна не ощущала тягостного страха и одиночества.

Нет, думала она, я не сломаюсь, не позволю себя сломать. Впереди меня ждет столько всего интересного, жизнь сама по себе - потрясающая штука, и в ней встречаются замечательные люди ... А ведь я мечтала писать.

Еще в редакции коллеги, читавшие ее первые прозаические опыты, отзывались о них с похвалой и прочили Анне писательский успех ... Как это Пушкин сказал о несчастьях? «Говорят, что несчастье – хорошая школа, может быть. Но счастье есть лучший Университет. Оно довершает воспитание души, способной к доброму и прекрасному».

Да, верно! Человеку необходимо счастье. Человек имеет право быть счастливым и должен добиваться счастья во что бы то ни стало. Это должно стать теперь ее девизом! Она, маленькая русская женщина из никому

здесь неизвестного Казахстана, добьется своего счастья, каких бы усилий ей это не стоило!

Анна начала работать и скоро втянулась. Странно, но работа приходящей домработницы оказалась вовсе не унижительной, как это представлялось Анне раньше. Она убирала квартиры, стирала, готовила обеды и выполняла разную другую домашнюю работу с такой же любовью и аккуратностью, как делала это у себя дома. Ей было приятно видеть, что ее труд ценят и хорошо оплачивают. Наконец-то она почувствовала себя материально независимой.

Свободное время Анна уделяла воспитанию Рольфика. Старалась с детства привить ему любовь к прекрасному, хорошие манеры, а главное – доброе отношение к людям. А поздно вечером, когда малыш сладко спал, она садилась за стол и выливали накопившиеся мысли и чувства на бумагу. За короткое время она написала огромное количество рассказов и новелл.

Незаметно промелькнули два месяца – целых два месяца покоя, независимости и творчества. Анна решилась прочитать свои литературные опыты единственной подруге, мнению которой доверяла.

Ася выслушала рассказы молча, хотя Анна заметила, что пару раз подруга вытерла слезы.

- Ну, как твое мнение? - спросила, закончив читать.

-Аня, милая, огромное спасибо! Давно не приходилось слышать ничего подобного. Главное – все жизненно, аж за душу берет. Мне кажется, твои рассказы никого не оставят равнодушными. Ты обязана писать, обязана печататься, нельзя, чтобы такой талант погиб.

Анна не удержалась, расплакалась.

- Асенька, ты правду говоришь или просто хочешь меня утешить? ... Да и кто меня в Германии напечатает? Разве что за свой счет ... Нет, нереально.

- Подожди! Что-нибудь да придумаем! Как говорится, голь на выдумки хитра!

Часть III

«Наконец-то укатили!» - думал Ральф, когда, самолет, на борту которого находились его жена и сын, поднялся в воздух. Он не чувствовал ни сожаления, ни беспокойства о их дальнейшей судьбе. Теперь он думал лишь о том, как распорядится долгожданной свободой.

Не заботясь о том, какие слухи поползут на фирме, Ральф сразу же предложил Мин переехать жить в его служебную квартиру. А что? Места хватает, а ему зачем выбрасывать на ветер лишние деньги и снимать еще квартиру любовнице? Разумеется, пока он и не думал связывать свою судьбу с этой женщиной. Угроза жениться на Мин вырвалась у него во время скандала с женой сгоряча, из желания досадить этой русской гордячке.

«Что хотела, то и получила!»

Мин с радостью приняла его предложение переехать. Возможно, впервые в жизни она почувствовала себя полноценной женщиной, с которой хорошо обращаются, о которой заботятся невзирая на ее постыдную профессию. Наконец ей можно расслабиться, перестать опасаться за завтрашний день, когда в поисках подходящего клиента ей придется притворяться распущенной, нагло клеиться к мужчинам, даже если устала или больна, платить полицейским, платить барменам, платить сутенеру - своим «хлебодателям».

«Разве может понять меня эта высокомерная европейская женщина - жена Рольфа? Никогда. Да и кто, кроме своих же товарок, может понять, что испытывает в душе продажная женщина, которая предлагает себя за деньги? Для многих проститутка представляется эдакой легкомысленной бабенкой, получающей удовольствие от бесконечного секса. Какое там, к черту, удовольствие! Хотя бы выжить ... Да хорошо еще, когда приходится заботиться

лишь о самой себе, а если ты еще содержишь старых больных родителей и собственных маленьких детей? ...»

Мысль о детях не давала Мин спать спокойно. Она обманула Ральфа, скрыв, что у нее есть трое детей. Правда, старшая дочь уже замужем за хорошим парнем и живет отдельно, а вот двое младших ...

Мальчику двенадцать, а младшей дочке всего десять. Рольф думает, что это ее младшие брат и сестра, но если он и в самом деле решит жениться на ней, то придется рассказать ему правду, и что тогда?

По натуре своей Мин была порядочной и далеко не глупой женщиной. Всю жизнь она тянулась, как могла, к лучшей жизни. Мечтала стать певицей, но не смогла учиться музыке. У нее было глубокое сопрано, и частенько в одном ресторанчике ей удавалось подменять профессиональную певицу. Своих детей она, как могла, старалась оградить от мира улицы. Боялась, что старшая дочь пойдет ее дорогой, поэтому, когда заметила, что за дочерью ухаживает хороший работающий парень, сразу посоветовала - выходи за него замуж. Да, за старшую теперь она спокойна, вот бы еще и малышкой поднять ...

И вся надежда у нее теперь - этот немец.

- Рольф, любимый мой, - сказала она, едва переступив порог новой квартиры. - Наконец мы одни, и я докажу тебе всю силу любви, на которую способна корейская женщина! Я все сделаю, чтобы ты желал меня еще больше, еще страстнее!

Рольф чувствовал себя на седьмом небе. Эта восточная женщина, которую он называл «мой неизведанный оазис», в постели доводила его до полного исступления.

Теперь он не представлял себе жизни без

Мин. Жажда обладания этой далеко не молодой и даже не красивой женщиной, способной давать мужчине

такое удовольствие, затмила все остальное в его жизни: жену, ребенка, даже работу.

И что ему за дело до того, какими взглядами встречают и провожают его теперь коллеги?

«Завидуют, трусы, ничтожества! – думал Рольф, замечая явное охлаждение со стороны сотрудников фирмы. - Боятся бросить своих постылых жен, а в душе сами мечтают о таком полноценном сексе».

Каждый судит сам по себе ...

Однажды, примерно через два месяца после отъезда Анны в Германию, Рольфа неожиданно пригласили в отдел кадров. Там ему вежливо объяснили, что в его услугах фирма больше не нуждается, так что он в самое ближайшее время может вернуться на родину

Эта новость стала для Рольфа ударом.

- Не понимаю, по какой причине вы отказываете мне в работе? Разве я плохой работник? А как же двухгодичный контракт?

- Можете подать иск, но в уставе нашего предприятия есть пункт, по которому мы имеем право уволить сотрудника, бросающего тень на деловую репутацию фирмы. В последнее время мы получаем огромное количество жалоб на вас от ваших коллег, как немцев, так и корейцев. Речь идет о пьяных дебошах, оскорблениях ... А слухи о вашем аморальном поведении выходят за рамки приличия. Отослав в Германию жену и ребенка, вы ввели в дом местную женщину сомнительной репутации. Это, конечно, ваше личное дело, но в данном случае руководство фирмы считает, что ваше поведение мешает вашей работе. Мы оплачиваем вам обратный билет, к тому же вы получите выходное пособие, равное вашей двухмесячной зарплате. Со следующей недели на работу можете не выходить.

В тот день, вернувшись домой раньше обычного, Ральф рассказал Мин о своих неприятностях на работе.

- Знаю, все это подстроила русская стерва!

Настроила всех против меня ... Ничего, я тебе, гадина, еще отомщу! Ты у меня как миленькая вылетишь из Германии и вместе со своим выродком вернешься в свой Казахстан. Объявила мне войну? Хорошо, посмотрим, кто победит! Я покажу тебе, дорогуша, что ты из себя представляешь, кто ты в моей стране, - никто, пустое место, никаких прав у тебя там нет!

Мин мало что понимала из его бессвязной прерывистой речи, но самое главное поняла: Рольф должен вернуться в Германию. Эта новость ее до смерти перепугала.

Увидев заплаканное лицо Мин, Рольф резко обнял ее за плечи.

- Не реви! Станешь моей женой, теперь точно женюсь на тебе! Ты еще засмеешься ей в лицо, и не она, а ты ей бросишь в лицо: «Шлюха!» А я буду смотреть и торжествовать. Вот что, дорогая, я улетаю на следующей неделе. Тебе оставляю четыре тысячи на расходы, оформи себе заграничный паспорт, купи билет, а я за короткое время разберусь с женой. Будь уверена, когда прилетишь в Германию, развод будет у меня в кармане.

-Ах ... Рольф! Я так боюсь, что у нас ничего не выйдет! - со слезами проговорила Мин. - В Европе женщины такие независимые, законы на их стороне.

- Немецкие женщины, но не она! Она эмигрантка, так что даже права воспитывать ребенка без моего согласия у нее нет.

Про себя Рольф уже решил, что если Анна не согласится по-хорошему вернуться к себе в Россию, он

предпримет более жесткие меры: припугнет ее, что отнимет ребенка.

Ночью, лежа без сна в постели, он думал о жене. Как это ни покажется парадоксальным, но Рольф в душе все еще любил Анну и мысленно тосковал по тем счастливым временам, когда все между ними было хорошо ...

«И почему я такой невезучий? - жалея себя, думал он. - Почему все женины, к которым я относился серьезно, не могли оценить силу моей любви? Почему все они поначалу притворяются любящими, сексуальными, а потом из них вылезает холодность, эгоизм, безразличие к сексу?»

Он искал, но не находил такого простого, лежащего на поверхности ответа: что женщины, с которыми связывали его узы брака, относились к жизни более ответственно, нежели он сам. Они принимали супружество не только как бесконечный поток любовных утех, но и как ряд сопутствующих этому тяжелых обязанностей: рожать, воспитывать детей, быть с ними рядом во время их болезней, вести домашнее хозяйство, а кроме этого иметь еще время на личную жизнь со своими собственными интересами и кругом общения ... У Рольфа же все его жизненные интересы вертелись вокруг поиска новых сексуальных удовольствий.

Получив свой первый сексуальный опыт у проституток, которые привыкли за плату беспрекословно выполняли все прихоти клиента, Рольф перенес эти же отношения в семейную жизнь. Он искренне полагал, что женщина, связанная с ним узами законного брака, обязана полностью подчиняться мужу, исполнять все его прихоти, поскольку это входит в ее супружеские обязанности. Он не считал нужным копаться в женской психологии, пытаться вникнуть в душевное состояние женщины, которая

являлась не просто его сексуальной партнершей, но хозяйкой дома, матерью его детей ... Гораздо проще было считать себя жертвой женского притворства и страдать, что никто не в состоянии оценить его по достоинству!

Но теперь, с Мин, все пойдет по-другому. Наконец ему удалось встретить свой идеал женщины - страстной, покорной, обожающей его, готовой отправиться за ним хоть на край света ...

И он не ошибался. Мин действительно согласна была последовать за ним куда угодно, но ... руководствуясь отнюдь не пылкой любовью, как полагал Рольф, а собственными корыстными интересами. Она знала: нехорошо строить свое счастье на несчастье других, но была готова бороться за Рольфа всеми средствами, даже если для этого придется переступить через его жену, - милую и без сомнения порядочную женщину, которая по-своему даже понравилась Мин ...

Что ж, жизнь покажет, как сложится в дальнейшем ее судьба, а пока Рольф улетел домой в Германию, заверив свою нынешнюю подругу в вечной любви, верности и пообещав, что скоро они смогут воссоединиться.

Переступив порог своей квартиры, а вернее - подвала, в котором жили его жена и сын, - Рольф в изумлении огляделся по сторонам, не веря своим глазам.

Он узнавал подвал и не узнавая его. Каким образом Анне удалось превратить его в настоящую уютную квартирку?

Несмотря на то, что мебели прибавилось, создавалось впечатление, что десятиметровый подвал каким-то непостижимым образом расширился, стал светлее и просторнее. Теперь здесь появились книжный и платяной шкафы, а в простенке между ними, над диваном, - репродукции картин русских художников, которые Анна

привезла с собой из России. В углу висела икона, а под ней, на изящном маленьком столике, красовался расписной русский самовар с таким же расписным чайником и сахарницей. На оюшке появилась миленькая занавесочка, а посреди комнаты, на полу, - старинный бухарский ковер, доставшийся Анне от матери.

Жена была дома. Специально ждала приезда Рольфа, чтобы прояснить до юнца их будущие отношения.

Потрясенный, Рольф даже не сразу нашелся, что сказать.

- Оказывается, при желании можно очень прилично жить на те деньги, которые я тебе даю, - со смешком произнес он, все еще вертя головой по сторонам.

- Ошибаешься, я все это заработала своими руками. - В голосе Анны звучало торжество. - А мебель мне подарили добрые люди.

Вдруг Рольф понял, что напоминала ему эта комната, - она была похожа на ту, в которой Анна жила во время их знакомства в Казахстане. Сколько с ней было связано приятных, волнующих воспоминаний...

- Надеюсь, ты не думаешь здесь поселиться?

- добавила Анна. - Как видишь, места для двоих на этом диване нет.

У Ральфа неожиданно сжалось сердце. Ему захотелось остаться в этой теплой уютной комнате рядом с этой маленькой интеллигентной женщиной, обнять ее, усадить рядом с собой на диван, посадить себе на колени маленького Рольфика - этого белобрысого чертенка. Просто захотелось домой.

Судорога исказила его лицо, голос его задрожал, когда он произнес:

- Анна ... Анечка! Прости меня!

Анна не могла поверить своим ушам.

- Прости меня, я был несправедлив! На меня что-то нашло, я сам себя не контролировал, но сейчас, войдя в этот дом, где, как я думал, я был таким несчастным, я вдруг понял, что потерял. Я понял, что люблю тебя и Рольфика. Я не могу без вас жить. Давай попробуем начать все сначала. Я найду для нас хорошую квартиру, создам тебе все условия ... Ты полюбишь меня снова. Мы снова будем счастливы, как в России ...

Он говорил и говорил, умоляюще глядя на Анну и пытаясь взять ее руки в свои. Вид у него был жалкий, потерянный.

Анна спутала его, как замороженная. Неужели это говорит тот самый Рольф, который обезумел от страсти к старой корейской проститутке? Который унижал ее, оскорблял, бил ... Неужели он раскаялся и все понял?

- Нет, Рольф, нет, - залепетала Анна, прерывая поток его любовных признаний вперемешку со словами раскаяния, - пожалуйста, не настаивай. Мы не можем жить вместе, ты же сам это прекрасно знаешь.

Пожалей меня, я только-только почувствовала себя человеком, почувствовала себя свободной и счастливой. Давай не будем начинать все сначала, это ничем хорошим не кончится. Пройдет пару месяцев, и ты снова почувствуешь, что я тебя не удовлетворяю, снова начнутся скандалы и вечная брань ... Зачем ребенку на это смотреть?

- Поверь, ради Бога, больше этого не повторится, клянусь! Я не посмотрю больше ни на одну женщину. Разреши мне остаться, ради всего хорошего, что между нами было, - чуть не плача, умолял ее Рольф.

В это мгновение он и сам верил всему, что говорил. Он думал, что вместе с Анной и сыном начнет совершенно новую, спокойную и порядочную жизнь.

И Анна сдалась. Решила в последний раз поверить мужу. Кто знает? Ведь меняются даже закоренелые преступники. Вдруг Рольф действительно решил взяться за ум? А ребенку, особенно мальчику, так необходим отец ...

Они снова стали жить вместе.

Первые две недели прошли замечательно. Анна чувствовала себя совершенно счастливой. Муж не возражал, чтобы она продолжала работать, и даже благородно разрешил Анне тратить самостоятельно заработанные деньги по своему усмотрению. Сынишка с утра и до 12 часов дня посещал детский сад, а Рольф использовал свободное время на поиски подходящей квартиры. Казалось, все идет замечательно, однако вскоре Анна стала примечать за Рольфом первые тревожные симптомы. Порой на него находила рассеянность, он замыкался в себе, словно мысленно находился не дома, рядом с женой и сыном, а где-то очень далеко... Анна подозревала, что муж тоскует по своей корейской любовнице, но что было делать? Она ничего не могла предотвратить ...

Как-то раз, приводя в порядок выходной костюм мужа, Анна случайно обнаружила в кармане его пиджака два письма. По надписям на конвертах поняла, что одно письмо пришло из Кореи, от Мин, а другое было ответным письмом Рольфа, которое он не успел отправить. Анна долго колебалась прежде, чем решилась нарушить свои принципы и прочесть чужие письма. Наконец решила, что в ее ситуации безрассудно до последней минуты оставаться в благородном неведении.

Сначала она вынула из конверта письмо Мин.

Судя по беглости и правильности немецкого языка, любовница мужа написала его с помощью переводчика. В своем письме Мин жаловалась Рольфу на трудности с

оформлением заграничного паспорта и немецкой визы, рассказывала, как тоскует без него, клялась в вечной любви, без стеснения припоминала самые интимные подробности их отношений ... Заверяла, что такого страстного любовника, как Рольф, не встречала никогда прежде и вряд ли встретит, как она тоскует по его мужской силе, спрашивала, вспоминает ли он их пылкие ночи ...

«Такого удовольствия, какое ты получишь со мной, тебе не даст ни одна женщина ...»

Пока Анна читала эти строки, ее бросало то в жар, то в холод. Ощущение, что подсматриваешь в замочную скважину чужой спальни, сменялось пугающим осознанием, что любовница мужа оказалась куда хитрей и предприимчивей, чем она думала. Мин знала, как воздействовать на Ральфа даже на расстоянии, на каких струнках его души сыграть, чтобы напомнить о себе, возбудить в нем тоску и желание ...

А что же написал в ответ Рольф?

Анна развернула письмо мужа, быстро пробежала глазами по строчкам, и сердце ее сжалось от боли. Ральф писал, что, как ни странно, счастлив дома. Теперь жена все делает, чтобы удержать его при себе. Видимо, поняла, что теряет. Он в свою очередь к ней добр. О разводе пока не говорили, но теперь, когда его отношения с женой наладились, получить ее согласие на развод будет проще. Со всем присущим ему эгоизмом далее Рольф писал:

«Конечно, идеальным вариантом для меня было бы вовсе не разводиться с Анной, но, чтобы ты, любимая, могла быть рядом. Если бы ты могла приехать Германию! Я снял бы для тебя недорогое жилье, и мы

были бы счастливы. Ты жалуешься, что немецкую визу тебе открывают не больше, чем на два месяца, - это ничего, главное, приезжай, а здесь на месте мы что-то придумаем ...»

Затем шли долгие любовные излияния мужа, от которых Анну едва не затошнило.

... "Неожиданно войдя в комнату, Рольф так и застал жену с его письмами в руках. Анна подняла голову, смерила мужа полным ненависти взглядом.

- Ну, что, дорогой? Ты и теперь будешь клясться в вечной преданности мне и ребенку? А сам мечтаешь о проститутке. Извращенец! Даешь ей примитивные обещания, чтобы получать такое же примитивное удовольствие, - хватит! Я больше этого не потерплю. Убирайся вон из этого дома, чтобы ноги твоей здесь больше не было. Я не позволю тебе портить ребенка, не позволю тебе его воспитывать! Пошел вон, убирайся, слышишь?!

Казалось от этих бессмысленных угроз жены Рольф обрел свою прежнюю циничную самоуверенность.

- Не забывай, что этот, как ты выражаешься, «дом» пока что принадлежит мне. «И ты набралась наглости меня отсюда гнать?» — сказал он, с недоброй усмешкой приближаясь к Анне. - Как вижу, хорошее обращение тебе тоже не нравится? Так получай, чего хочешь!

Он схватил жену за волосы, намотал их на руку и с силой дернул женщину к себе. От боли Анна закричала.

- По карманам вздумала рыскать? Что, довольна?

Не ори, пока что тебя не убиваю ... Рано еще, может, позже прибью. А теперь подавай обед, видишь, муж вернулся домой!

Рольф толкнул Анну через всю комнату к плите, на которой стояла сковородка с еще горячими котлетами. Не помня себя от ярости, Анна схватила с плиты эту сковородку и со всего размаху запустила ею в мужа. Не дав ему опомниться, бросилась вон из подвала, выбежала на улицу.

На ее счастье Рольфик в это время гостил у Аси. Анна бросилась бежать к дому подруги. Примчавшись, со слезами упала Асе на шею.

- Асенька, родненькая, что же я наделала? Ведь он теперь меня убьет. Господи, как же мне домой теперь идти?

Подруга выслушала сбивчивый рассказ Анны, успокаивающе покачала головой.

- Не волнуйся, не все так страшно. Сейчас дети кончат обедать, и мы с тобой сядем в машину и поедем в «женский дом».

- Что еще за «женский дом»? - всхлипывая, проговорила Анна.

- Да специальный дом, где женщины с детьми могут временно укрыться, если их благоверные ведут себя так же свински, как твой Ральф. Есть тут один такой неподалеку, за городом. Там женщинам предоставляют все необходимое для нормальной жизни. Можешь жить, сколько понадобится, с тебя за это денег никто не потребует. Понятно?

- Понятно, - сквозь слезы повторила Анна.

Приехав в «женский дом», Ася рассказала управляющей о семейных проблемах своей подруги.

Женщина, выслушав ее рассказ, без всяких дополнительных вопросов просто протянула Анне ключ от свободной квартиры, расположенной на втором этаже,

и предупредила ее, что дверь никому, а тем более мужу, открывать не следует, предварительно не убедившись, что гость - желанный.

Попав в квартиру, Анна не могла не удивляться. Словно она оказалась в дорогом гостиничном номере! Комната большая, чистая, со всей необходимой мебелью, постельным бельем и кухонной посудой. Рядом - небольшая кухня, где можно приготовить обед, а также отдельные душ и туалет.

- Нет худа без добра, - сказала Ася, озираясь по сторонам. - Смотри, какие царские условия. Не то, что в твоём подвале. Уложи ребенка спать, сама прими душ, а я пока выйду, принесу нам чего-нибудь перекусить. А потом поболтаем с тобой часок, отведем душу.

Пока Ася бегала за провизией, Анна уложила Рольфика в кроватку, спев перед сном малышу его любимую песенку.

Ася принесла две пиццы и бутылку красного вина.

- Помирать, так с музыкой! - весело воскликнула она, выгружая все это на стол. - А мужик твой - говно, не стоит из-за такого даже слезы лить. Чем быстрее с ним разделаешься, тем лучше.

Говоря это, Ася откупорила вино и разлила по бокалам. Чокнулись, выпили.

- Ты посмотри на себя, - продолжала подруга.

- Ты ж красивая баба, умная, образованная, а нашла себе черт знает кого! Дурака, да еще и с зае ... ми.

- Аська! - укоризненно взглянула на нее шокированная Анна. - Не идет тебе этот вульгарный тон.

- А я девка простая, - пожала плечами подруга. - Что думаю, то и говорю. Не горюй, подружка! Вся жизнь еще впереди. Я-то хоть хорошего человека потеряла, а тебе было бы кого жалеть, пес его за ногу. Дерьма не жалко.

- Ох, Асенька, Асенька, и что бы я без тебя делала? - вслух подумала Анна. - Какая ты хорошая, добрая, как сестра милосердия. Подружка ты моя родная! ...

- Ну, вот тебе на, снова разревелась! С горя, да еще по винцу, вот тебя и развело. Отдыхай пока, а я поеду домой.

Анна и в самом деле чувствовала, что неожиданно скоро захмелела. Хоть и выпито было немного, но почувствовав себя в безопасности, она так расслабилась, словно гора с плеч упала, что теперь хотела только спать, спать ...

- Будь осторожна за рулем, - напомнила она, провожая подругу до дверей.

- Да я пила немного ... Отдыхай.

. . . Первые два часа после бегства жены из дому Рольф не волновался о том, куда подевались Анна и ребенок. Он бесился от одного воспоминания о сегодняшнем скандале.

«Ничего, вернется, никуда не денется! Еще у меня в ногах будет валяться, просить, чтобы я ее простил!

Не хотела по-хорошему? Так завтра же сниму для себя отдельную квартиру и вызову Мин. А эта русская пускай остается жить в подвале, если хочет. Не стану же я еще и ей оплачивать квартиру! Создам ей такие условия, что сама попросится отпустить ее обратно в Россию».

Но когда за окном сгустились вечерние сумерки, Рольфа кольнуло легкое беспокойство. Все-таки Анна исчезла вместе с ребенком ... Мало ли что могло взбрести ей сгоряча в голову?

Рольф вышел из дома вывел машину из гаража и стал колесить по улице в надежде увидеть жену.

Потом вспомнил, что неподалеку живет русская приятельница жены. Выяснить у соседей ее фамилию и адрес не составило труда, но на его звонок дверь никто не открыл.

«Значит, они где-то вместе».

Через пару часов, ближе к ночи, Рольф снова наведалься к Асе. На этот раз она оказалась дома, но впустить Рольфа в квартиру не пожелала, разговаривала через домофон. На его вопрос о жене Ася ответила, что понятия не имеет, где сейчас Анна и ребенок, но даже если бы и знала, то не сказала бы.

- Отправляйся домой, Анна к тебе все-равно больше не вернется! - насмешливо высказала она из-за двери.

Рольф был уверен, что Ася лжет, и Анна с сыном остались у нее на ночь. Он вернулся домой, уверенный, что вскоре жена одумается и захочет с ним примириться, но ничего подобного не произошло, зато через несколько дней по почте ему пришло официальное уведомление о том, что его жена вместе с ребенком попросила убежища в «Женском доме», и что отныне Рольф должен оплачивать ее полное содержание там до тех пор, пока не состоится развод или супруги не решат примириться.

От такой новости Рольф совершенно обезумел.

«Вот стерва! Выставить меня перед всем городом на посмешище ... Развода хочешь? Очень хорошо, прекрасно, постараюсь оформить его как можно скорее.

Только ты, дорогуша, кое-что забыла ...» Он припомнил похожий случай, произошедший с его коллегой. Тот тоже женился на иностранке, прожил с ней в браке четыре года, имел двух детей, а когда жена подала на развод, то суд присудил оставить детей на воспитание отцу. Как она ни рыдала, как ни умоляла отдать ей детей, напрасно. «На какие средства вы сможете их содержать и воспитывать?» И точка, и укатила она обратно к себе в Россию.

Рольф энергично взялся за оформление процедуры развода, нанял своего прежнего адвоката, который уже

однажды помог ему в подобной ситуации, и пребывал в уверенности, что на этот раз он выиграет процесс.

Суд состоялся через три месяца. Развод оформили без проблем, но случилась одна непредвиденная оплошность: в последнюю минуту Рольф передумал, и на вопрос судьи: «С кем после развода останется жить ребенок?» - ответил:

- С матерью, конечно!

Мин к этому времени уже перебралась в Германию и жила вместе с ним, и Рольфу даже из желания насолить бывшей жене не хотелось связывать себя по рукам и ногам заботами о сопливом мальчишке.

- Что ж, это ваше право, - вежливо ответил судья.

После развода Анна переехала жить в двухкомнатную квартиру, предоставленную службой социальной опеки. Наконец у нее появилось собственное жилье, где имелось все необходимое. От государства она получала ежемесячное пособие, а Рольф обязан был выплачивать алименты службе опеки.

Теперь Анне жилось намного легче. Она почувствовала себя хорошо обеспеченной женщиной! Работу у своих милых старушек она не бросала, а в свободное время занималась с сыном. У Рольфика открылся хороший музыкальный слух и способность к иностранным языкам. Он свободно и без ошибок говорил по-русски и по-немецки, причем легко переходил с одного языка на другой.

- Удивительно! «Неужели через пару лет мне придется у Рольфика брать уроки немецкого языка?» — с умилением говорила она Асе.

В первое время Анна опасалась, что развод может травмировать психику малыша, и со страхом выискивала в Рольфике симптомы возможного внутреннего стресса, но ее сын рос совершенно нормальным, спокойным умным

мальчиком. Он редко спрашивал об отце. Хотя по закону после развода отец и мать получили равные права на воспитание ребенка, Рольф в первые месяцы вообще не показывался, да это и понятно: с приездом Мин, он был весь поглощен новой любовью. Но потом Рольф спохватился, позвонил Анне, и они договорились, что в субботу Рольфик сможет весь день проводить с отцом. Так и повелось: утром в субботу Рольф приезжал к ней, забирал сына, а к вечеру привозил обратно.

Но однажды случилось непредвиденное: Ральф не привез сына в субботу вечером, как они договаривались.

Анна позвонила ему домой, но у Рольфа никто не брал трубку. Тогда она позвонила бывшей свекрови. Фрау Шлегель ответила, как всегда, недовольным голосом:

- Понятия не имею, где теперь мой сын. Я уже говорила, что личная жизнь моего непутевого сына меня не интересует. Достаточно я с ним натерпелась, дайте хоть в старости пожить спокойно. А за Рольфика не переживай, отец ему ничего плохого не сделает. Может, поехали на пару дней в Голландию или во Францию? Скоро объявятся, не волнуйся. Эта его новая, косоглазая. Я хоть и не люблю ее, но должна признать, что с детьми она обращаться умеет, сама видела. А к Рольфику привязалась, как к своему. Да и как его не любить, если он вылитый отец. Ральф в детстве тоже был хорошим мальчиком, никаких забот с ним не имела, а вырос, и как с цепи сорвался, даже я с ним общего языка не могу найти ...

Извинившись, Анна поспешила распрощаться. Теперь, когда бывшая свекровь жила в полном одиночестве, ее одолела непомерная болтливость.

Плохое предчувствие не покидало Анну. Может, стоит позвонить в полицию? Она решила посоветоваться с Асей.

Слова подружки и успокоили, и одновременно напугали.

- Ты вот что, голубушка, не паникуй, - решительно сказала Ася, выслушав Анну. - Рольфику у отца ничего не грозит. В полицию обращаться бесполезно, там скажут, что по закону у вас равные права на ребенка, так что разбирайтесь сами, с кем он должен жить. Но твой бывший что-то замышляет, это точно. . . Живет он со своей корейкой, но на ней не женится, раньше на сына ему было плевать, а теперь вдруг решил оставить его у себя надолго. Это неспроста ... Он работает, его любовница - нет. Ей одной дома сидеть скучно, а с ребенком веселее, есть с кем словом перекинуться, а кроме того, можно показать Рольфу, какая она хорошая и заботливая ... Может стать приемной матерью его сыну. Бабы на Востоке хитрые, знают, как мужика покрепче к себе привязать. Да, милая моя подружка, сдается мне, задумали они отнять у тебя сына. Для Ральфа это со всех сторон выгодно. Если сын проживает с отцом, то ему больше не надо выплачивать алименты. Ты лишаешься права проживания в Германии. Твой вид на жительство заканчивается, скоро придется подавать документы на продление, а тебе его могут не продлить - нет основательной причины.

- Ася, что ты говоришь! А сын? - в отчаянии воскликнула Анна.

- С точки зрения службы социальной опеки, ты не можешь обеспечить ребенку нормальное существование: не работаешь, не имеешь гражданства, а отец работает ...

- И живет с проституткой, которая будет воспитывать моего мальчика? Так?

- На меня-то ты не кричи, я же пытаюсь рассуждать с их точки зрения. Никто на: суде не станет вникать в то, что ты- человек порядочный и интеллигентный, а она - представительница древнейшей профессии.

- Но как же так? Я им скажу, что это не гуманно. Я им скажу, что буду работать, найду официальную работу, создам ребенку наилучшие условия ...

- Как? Если вид на жительство тебе не продлят, то как без него ты устроишься на работу? А пока ты будешь бегать по инстанциям, как угорелая, время будет играть только в пользу твоего бывшего мужа.

- Не понимаю ...

- Да Рольф уж не упустит случая настроить за это время сына против тебя! Память детская короткая, дети верят всему что им внушают. За полгода, - конечно, не дай Бог, чтобы мои слова сбылись 1 - твой Рольф может внушить ребенку все, что угодно: страх, ненависть к тебе ... Я знаю несколько таких случаев с нашими русскими бабами, которые по своей наивности верили не только своим бывшим благоверным, но и здешним законам. А законы всюду – что дышло ... Потом бегай по адвокатам, да и чем помогут адвокаты? Им лишь бы денежки свои загребать.

- Асенька, зачем ты меня пугаешь? Я и так голову теряю от страха, что Рольфик пропал, а ты еще такие мрачные перспективы рисуешь ... Господи, что же мне делать?!

- Пока ничего, жди. Вернется Рольф, попытайся забрать у него сына поддипломатичнее.

Целая неделя прошла в мучительном ожидании, каждая ночь - без сна. Каждый день по несколько раз Анна названивала Рольфу, пока наконец кто-то в квартире не поднял трубку.

- Рольф! - От волнения у Анны прерывался голос. - Что с ребенком? Почему ты не позвонил, не предупредил меня, что вы уезжаете? Я ведь страшно волнуюсь!

- Да как-то не подумал ... С сыном все в порядке. Он мне даже заявил, что со мной ему больше нравится и что он согласен остаться здесь навсегда.

- Это невозможно. Позови его к телефону. Рольфик! - воскликнула Анна, услышав в трубке тоненький голосок сына. - Это твоя мама. Ты скучал по мне, сыночек?

- Да, мамочка, скучал, но знаешь, было так интересно! Мы ездили на корабле по морю, была страшная буря, пароход сильно качался, но я совсем не боялся. Папа сказал, что из меня выйдет отличный моряк, и когда я вырасту, то стану капитаном и буду сам вести корабль.

- Конечно, сыночек, когда вырастешь, ты сможешь стать капитаном, а сейчас попроси папу, чтобы он привез тебя ко мне. Твоя мама очень соскучилась по своему миленькому сыночку.

- А можно я еще останусь у папы? – трогательным голоском попросил сын.

- Но ведь папа завтра идет на работу, и ты останешься один.

- Нет, я буду не один, я буду с Мини. Она хорошая, добрая. Папа сказал, что Мини теперь моя вторая мама.

У Анны комок подкатил к горлу, слезы полились из глаз. Она едва смогла выдавить:

- Сыночек, родной мой, у каждого ребенка может быть только одна мама, только одна ...

Она не смогла договорить, трубку взял Ральф.

- Видишь? Сын вовсе не стремится к своей любимой мамочке, он хочет остаться со мной. – В голосе бывшего мужа звучало злорадство. - Так что я решил оставить его у себя навсегда. Не волнуйся, Мин оказалась прекрасной матерью моему сыну.

- Нашему! - прорыдала Анна. - Нашему!

- Моему. Завтра же подам заявление в суд на лишение тебя прав воспитания ребенка. Уверен, суд будет на моей стороне, да и тебе это должно быть на руку, ты получишь полную свободу, делай, что заблагорассудится... Я знаю,

что через несколько недель у тебя заканчивается срок вида на жительство. И вот вопрос, продлят ли его тебе? Ты ведь иностранка, безработная бесправная иностранка, и без ребенка у тебя нет оснований на продление прописки. Придется тебе, милая, уматывать на свою любимую родину. Так вот!

- У меня здесь сын! И это мое главное оружие.

Ни один суд в мире не может просто взять и отнять ребенка у матери, тем более у матери порядочной, образованной ...

- Боже мой, сколько тебе лет, а ты все не поумнела! Какое дело суду до твоей порядочности? Да плевать им, главное, что в моей стране ты - ноль, полное ничтожество, без работы, без гражданства, без денег.

Так что, дорогая, готовься в дорогу, поспеши. Рольф бросил трубку. Трудно описать состояние Анны. Что могла чувствовать мать, у которой грозятся отнять ее кровиночку, ее единственное сокровище, ее жизнь?!

... Рольф говорил правду. Суд полностью встал на его сторону. Кроме того, на суде произошло страшное, непредвиденное Анной событие: судья спросил у маленького Рольфика, с кем он хотел бы жить, с мамой или с папой?

Сыну Анны было всего лишь три с половиной года. Мальчик с ужасом посмотрел на отца, затем на Анну, заплакал и произнес:

- Моя настоящая мама - Мини, я ее люблю, а эта тетя плохая, злая ... Она хочет увезти меня очень далеко, к огромным страшным медведям. Я не хочу, я боюсь! Не отдавайте меня этой тете.

Он сорвался с места и бросился отцу на шею. Рольф торжествовал.

- Как видите, мой сын хочет остаться со мной.

Прошу суд больше не задавать ему вопросов, этим мы лишь травмируем детскую психику.

Анна потеряла сознание. Когда она пришла в себя, то в зале суда, кроме ее адвоката и Аси, никого больше не было.

- Ася, милая, как же так? «Мы травмируем детскую психику»? А почему никто не сказал: «Мы убиваем эту несчастную женщину»? Как же мне жить дальше, подружка моя родная, скажи, как?

Часть IV

прошло более четырех лет. Все эти страшные годы Анна не прекращала своей борьбы за сына. Вопрос уже не стоял о том, чтобы ребенок постоянно жил с матерью, - шла борьба за право навещать сына хотя бы раз в месяц, но даже в этом Анне было отказано.

Ее вынуждали покинуть Германию. С огромным трудом, благодаря адвокатам, ей удавалось оттягивать время возвращения на родину, каждые три месяца продлевая регистрацию. Сколько сил и здоровья отняли эти хлопоты! Она работала по двенадцать-четырнадцать часов в сутки, не гнушаясь самой черной работы, - а как иначе? Ведь нужно было платить за квартиру, медицинское обслуживание, проездной билет, а главное - платить адвокатам, без которых она уже не могла обойтись. Вот на этих-то адвокатов и уходили все ее, с огромным трудом заработанные, деньги.

Материнское сердце разрывалось от боли: ее лишили возможности видеть сына! В редкие свободные часы Анна просила Асю повозить ее в автомобиле по тем улицам, где мог гулять маленький Рольфик, в надежде хотя бы мельком, издали увидеть своего мальчика. Как вор, она украдкой ловила эти мгновения. Увидев сына, весь следующий день Анна мечтала, придумывая и представляя себе их встречу в будущем. Каждый раз ко дню его рождения и на Рождество она покупала уйму подарков и, унижаясь, со слезами умоляла воспитателей в детском саду, а потом учителей в школе передать их ее любимому сыну, сказав, что это подарки от его настоящей мамы.

Господи! сколько слез, униженных просьб, заискивающих улыбок она заплатила за естественное право матери видеть своего сына!

... Почему люди бывают порой так недоброжелательны друг к другу?

... А что же у Рольфа-старшего?

В принципе, почти без изменений. Он женился на Мин и в первые два года, по его собственному представлению, был счастлив, - наконец-то он имел то, к чему всю жизнь стремился. А стремления его были примитивно просты: он не мечтал стать изобретателем, поэтом или художником, достигнуть успеха в политике или бизнесе. . . Короче говоря, он не был одержимым человеком: хотя ... Почему нет? ... Ральф был по-настоящему одержим стремлением получать наслаждение в сексе, а это ведь тоже одержимость своего рода. Сколько бед, сколько исковерканных несчастных судеб и даже преступлений влечет за собой подобная одержимость! Однако Ральф не принадлежал к числу аналитически мыслящих людей, потому и не пытался понять причины своих поступков.

Примерно на третий год семейной жизни с Мин он вдруг почувствовал, что эта женщина начинает его раздражать. Теперь его раздражало в ней все: голос, походка, возраст, ее кошачья привязанность. Раздражали ее ласки, от которых когда-то он сходил с ума, ее старание во всем ему угождать. Незаметно для себя, Ральф вступил в ту фазу жизни мужчины, когда еще желаешь, но уже не всегда можешь, и, как это уже бывало с ним не раз, вину за все проблемы на сексуальном фронте он возлагал исключительно на женщину.

Он снова зачастил в пивные бары, возвращался поздно ночью, пьяный. Заглядывал он и в злачные места, к девушкам «под красный фонари», в надежде заменить прежнюю пылкость разнообразием ощущений.

Он знал, что Мин не станет устраивать скандалов по этому поводу.

Действительно, его теперешнюю супругу вполне устраивали частые отлучки мужа из дому, она даже думала, что в первые годы ей приходилось куда тяжелей!

Даже ее - профессионалку, привыкшую во всем угождать мужчинам, - изматывала ненасытная страстность Ральфа.

К маленькому Рольфику она искренне привязалась и полюбила как родного. Старалась приготовить на обед его любимые блюда, всегда отводила и забирала его из детского садика, а теперь - из школы.

Собственные дети, к огромной радости Мин, тоже жили вместе с нею. Сын приехал в Германию в прошлом году, а три месяца назад приехала младшая дочь. В сентябре она пойдет в школу для иностранцев.

Сердце матери наконец успокоилось: дети при ней, их будущее определено. Смотрит она на свою Ник и радуется: «Какая красавица! Да и умница ... Счастлив будет тот, кому достанется такая жена!»

Мин надеялась, что хотя бы ее детям достанется более счастливая доля ... Но последние три месяца она с тревогой стала замечать перемены к худшему.

Пресытившись ее любовью и не получая с ней прежнего наслаждения, Рольф видел причину сексуального охлаждения в возрасте Мин, перенося на нее всю раздраженность и страх перед собственной мужской несостоятельностью.

Мин чувствовала, что скоро для нее может наступить тот критический момент, о котором предупреждала ее бывшая жена Ральфа. Этого момента она боялась, потому что понимала: она должна вытерпеть ненависть Ральфа ради счастья собственных детей, ради будущей независимости. Ей осталось выдержать всего один год совместной супружеской жизни, когда, по закону, она

сможет получить немецкое гражданство. Вот тогда ей уже нечего будет опасаться!

А пока ...

По опыту прежней профессии, подкрепленному восточной женской мудростью, Мин понимала, что в такой кризисный для Рольфа период ни в коем случае нельзя на него давить, расспрашивать о причинах позднего возвращения домой, а тем более устраивать сцены ревности. Терпение, только терпение. Она опасалась малейшего взрыва эмоций, способного погубить ее домашний очаг и все, что она с таким трудом приобрела. Мин думала, что выдержит все испытания ради счастья детей, ведь ради них она стала простигутькой, ради них стерпит и любые выходки Рольфа. У нее есть дом, еда, деньги, ее дети учатся и живут в прекрасных условиях - разве не счастье уже иметь все это? А мужчина ... мужчина перебесится, и рано или поздно все станет как прежде. Ведь и Рольф уже далеко не молод ...

Как всякая женщина, которой приходилось с трудом пробиваться в жизни, Мин мечтала лет через пять, - когда дети ее вырастут, определятся в жизни и, возможно, даже смогут сами ей помогать, - приехать с ними в Корею, в родной город, и пройтись по родной улице. Она - дама, одетая по-европейски и с большим вкусом, пусть даже не молодая, но ухоженная и полная чувства собственного достоинства, а рядом - ее сын, образованный и умный юноша, и красавица дочь. Зайти бы с ними в ресторанчик, где она в старые времена подменяла постоянную певицу, исполняя нехитрые песенки приятным низким сопрано ... Ах, мечты, мечты!

Мин взглянула на часы. Господи! Давно пора бежать за Рольфиком в школу. А в два часа у них на - значит визит к доктору, - не дает ей покоя постоянный бронхит малыша.

Да и разве такой непоседа может дождаться, когда окончательно выздоровеет? Едва перестанет кашлять, как тут же бежит играть в футбол с друзьями, а потом, разгоряченный, может схватить из холодильника холодную «Кока-колу». Только и успевай за ним следить!

Доктор опасается, как бы его постоянные простуды не перешли в хронический бронхит ... Только не это! Ведь Мин так любит этого доброго, отзывчивого, нежного мальчика, который отвечает ей взаимной любовью и не стесняется об этом говорить.

- Мини, я знаю, что ты не моя настоящая мама, но я тебя очень люблю, как настоящую. Ты только папе не говори, но тебя я люблю даже больше, чем его!

В такие минуты сердце Мин готово разорваться от нежности. И в кого только пошел Рольфик-младший?

Ваг уж точно, не в отца ... От отца он взял только внешность, но откуда у восьмилетнего малыша такая чувствительная, тонкая натура? Вероятно, от матери. Мин говорила с ней только однажды, и с той поры столько лет прошло, что пора бы забыть тот разговор, но чувство неловкости и даже вины перед той женщиной не покидают Мин.

Даже представить страшно, что должна была пережить бедняжка, у которой силой отняли ребенка. Мин отгоняла мысль о том, что и сама могла бы оказаться на ее месте.

Она часто видела мать Рольфика, особенно по дороге из школы, но всегда мельком. Сколько боли и тоски в глазах этой женщины! Но на нее, на Мин, она смотрит совершенно спокойно, без тени ненависти или презрения.

Как же мог Рольф так поступить с бывшей женой?

... Хотя теперь, прожив столько лет под одной с ним крышей, Мин понимала мужа: этот человек был безразличен к чувствам людей, в этой жизни его

волновало только удовлетворение собственной ненасытной, а теперь уже и бессильной природы самца.

Ах, черт с ним, с мужем! Пусть делает что угодно, лишь бы оставил ее в покое, а она будет заниматься домом, хозяйством и детьми.

Ровно в час дня Мин подошла к школе. Рольфик уже ожидал ее. Подбежал, поцеловал.

- Мини, давай не пойдем сегодня к этому противному доктору? Разве обязательно к нему идти?

- Обязательно, и он вовсе не противный, а симпатичный.

- Для меня все доктора противные.

- Лучше поторопись, не то опоздаем на автобус.

Визит к доктору оказался коротким, и Мин с малышом смогла вернуться домой намного раньше, чем предполагала.

В доме было тихо, и Мин: подумала, что впереди у нее пара часов приятного одиночества - Ральф уехал на три дня в командировку, а детей дома нет.

- Рольфик, ты голоден?

- Нет. Можно, я сейчас сбегая к Юзефу? Отец купил ему новый компьютер.

- Хорошо, но не дольше одного часа.

- Ладно!

Мальчик выскочил за дверь.

Мин вдруг вспомнила, что забыла по дороге купить хлеб. Пришлось выходить из дому и идти в булочную на углу. Вернувшись, к своему неприятному удивлению она обнаружила, что дверь не заперта на ключ.

Неужели забыла запереть, когда выходила за покупками?

Или кто-то пришел?

- Ники! - позвала она дочь.

Никто не ответил.

Мин заглянула в кухню.

- Чин! - позвала сына, но тот тоже не ответил.

Тут Мин заметила прилепленную к холодильнику записку.

Мама, не волнуйся, за мной заскочили ребята и пригласили поехать в горы покататься на лыжах. Вернусь вечером в воскресенье. Целую.

Чин

Значит, это он забыл запереть дверь. Ну и ну! Вечно у этого парня голова забита своими делами.

Мин положила хлеб в хлебницу, поставила на плиту кастрюлю с супом и решила подняться на второй этаж в ванную, бросить белье в стиральную машину.

Поднимаясь по лестнице, она услышала вдруг странные звуки, доносящиеся из спальни. Застыла на месте: неужели воры? А она одна в доме!

Подкравшись к двери спальни, Мин приложила ухо к замочной скважине. Затем рывком распахнула дверь. Картина, представшая перед ней, заставила Мин застыть соляным столбом.

На кровати, весь мокрый от пота, стоял на четвереньках голый Рольф, а под ним распласталась молодая девушка. Лицо ее тонуло в подушке, и только знакомые длинные черные волосы, разметавшись, прикрывали нагое тело.

Взъерошенный, с багровым лицом, Рольф дико уставился на Мин. Лицо его показалось Мин нечеловеческим, почти звериным. Глухим голосом Рольф произнес:

- Ну что, довольна? Ты сама этого не хотела?

Думала, буду ждать, пока ты снова принесешь мне наслаждение? Да ты давно ни на что не способна, старая косоглазая шлюха! Смотри и завидуй, какое у нее молодое, трепещущее тело ... Оно, только оно в состоянии дать мне счастье. Только оно!

Рольф обрушился всей своей тяжестью на девушку, казавшуюся Мин бездыханной, и заплакал.

- Мин, дорогая! - скулил он, всхлипывая. -

Пойми меня, я ничего не мог с собой сделать. Я не могу без нее жить ...

Его истеричный плач перешел в бессвязное бормотание.

Мин была настолько потрясена произошедшим, что не могла выдать из себя ни звука. Собрав силы, она на ватных ногах подошла к кровати, оторвала Рольфа от молча лежащей девушки, схватила дочь на руки и унесла в соседнюю комнату.

Положила Ник на диван. Заговорила с ней на родном языке.

- Доченька, дорогая, и давно это? ...

- Мамочка, я не хотела! Я сопротивлялась. Он сказал, что убьет тебя, а если я буду молчать, то все будет хорошо. Мамочка любимая, я его ненавижу! Я его боюсь. Он обещал убить тебя и Чина. Я только ради тебя, моя хорошая, моя лучшая на свете мама ...

Ради тебя и Чина ... Что теперь с нами будет?

- Когда это началось?

- Через две недели после того, как я сюда приехала.

Два месяца назад.

- А я так мечтала, что ты встретишь через пару лет достойного, чистого хорошего парня. Девочка моя золотая!

Мин прижала к себе дочь, погладила ее по голове, провела рукой по шелковистым волосам, поцеловала, как маленькую девочку.

- Как я мечтала!

Затем она встала, спустилась на кухню, механически выключила огонь под кипящей кастрюлей, выбрала из массы кухонных ножей свой любимый, с длинным острым лезвием, и медленно поднялась обратно в спальню.

Ральф лежал на кровати в той же животной позе, в которой она застала его полчаса назад. Мин опустилась на колени рядом с кроватью, всмотрелась в бездушное, омерзительное лицо человека, из-за которого она бросила свою страну, старую больную мать и старшую дочь. Затем медленно занесла нож, нацеливаясь в то место, где у человека должно находиться сердце, и молниеносно пустила лезвие ...

. . . Ник услышала дикий предсмертный вопль.

Она бросилась в спальню родителей и увидела Рольфа с ножом в руке, склоненного над окровавленным телом матери. Воровато оглянувшись и увидев в дверях падчерицу, Рольф бросил нож, подбежал к Ник и поймал ее за руку.

- Девочка моя, клянусь, я не хотел ее убивать, клянусь, что не хотел! - быстро зашептал он. – Это твоя мать пыталась убить меня, я только защищался.

Не кричи, тише, тише, никто ничего не видел. Я сейчас успокоюсь и чего-нибудь придумаю. Главное, ты молчи, и все будет хорошо. Я на тебе женюсь, обещаю, тебя и Чина не вышлют из Германии. Сейчас иди в свою комнату и не выходи из нее. Ты ничего не видела.

Или нет, лучше, что тебя вообще не было дома. Ты гуляла и ничего не видела. Договорились?

Ник не произносила ни звука, только слепым взглядом смотрела мимо Ральфа на мать, лежащую в луже крови. Ральф за руку выволок девочку из спальни, отвел в ее комнату.

- Договорились? Ты ничего не видела, тебя не было дома. Иди, погуляй пока. А я тем временем что-нибудь придумаю.

Ник молча набросила на себя платок и спустилась вниз. Ральф взглядом проводил ее до двери. Оставшись в доме один, Ральф заметался, судорожно ища выход. Для начала он привел в порядок спальню, пряча следы своего присутствия в доме.

Вряд ли кто из соседей видел, как он входил. Машину он специально оставил на другой улице, чтобы Мин не узнала о его возвращении. Рольфика и Чина нет дома - это тоже удачно. Теперь следует незаметно улизнуть.

Рольф подобрал с пола окровавленный нож, завернул его в бумагу, решив выбросить сверток в мусорный бак где-нибудь подальше от дома. Затем зашел в ванную, долго и тщательно мыл руки и чистил костюм, затирая пятна крови. Перед уходом он еще раз проверил, чтобы ничто в спальне не говорило о его дневном визите. Заперев дверь спальни на ключ на тот случай, если Рольфик вернется домой раньше, он вышел на улицу, сел в машину и отправился к матери.

- Боже мой, Рольфус, что же теперь нам делать? - ахнула фрау Шлегель, выслушав откровенное признание сына.

- Ники будет молчать, я в этом уверен. Чин ничего не знает, он вернется только в воскресенье. Я звонил родителям Юзефа, у них сейчас Рольфик. Предупредил, что через час сам за ним заеду. Мне в голову пришла одна

мысль. Ты поезжай сейчас к Анне, я ведь знаю, ты у нее часто бываешь. Постарайся найти у нее такой же нож.

Рольф развернул бумажный сверток и показал матери орудие убийства.

- У нее должен быть такой же, я сам его покупал.

Только надень перчатки, чтобы не оставить на нем свои отпечатки пальцев. От Анны сразу же поезжай ко мне домой. Я буду дома через час. Завтра суббота, Рольфик не идет в школу, ты заберешь его сегодня на ночь к себе. И Ник тоже заведи к себе на субботу.

- Я не люблю ее!

- Сейчас не до этого.

- Предупреждала я тебя, Рольфус, косоглазая принесет в дом беду.

- Она хотела меня убить, мама, представляешь?

Убить!

- Хорошо, я сейчас позвоню Анне.

Фрау Шлегель набрала знакомый номер. Стараясь не выдать своего волнения, заговорила с бывшей женой сына.

- Как дела? Как поживаешь?

- Хорошо. Скажите, как Рольфик?

- Я тебе все расскажу. Я сейчас звоню от приятельницы, она живет рядом с тобой, так что я заскочу к тебе на пару минут. Заодно ты мне дашь рецепт борща.

- Очень рада, фрау Шлегель. Жду вас.

. . . Мать вернулась часа через полтора. Рольф ожидал ее, сгорая от нетерпения.

- Вот то, о чем ты просил, - сурово произнесла фрау Шлегель, доставая из сумочки нож и протягивая его сыну.

Ник еще не вернулась, поэтому Ральф отправил к бабушке только своего сына.

Когда они уехали, он позвонил соседям, чтобы

прощупать почву.

- Добрый день. Вы, случайно, не знаете, где может быть моя жена? Только что вернулся из командировки, а дома ни ее, ни записки, ни обеда ... Правда, она меня не ждет, я должен был приехать лишь завтра, но, знаете, я за нее волнуюсь. В последнее время она жаловалась, что видела возле нашего дома мою бывшую супругу.

- Что вы говорите, господин Шлегель! - клюнула соседка. - Кажется, я тоже ее сегодня видела.

- Примерно между двумя и тремя часами дня, не так ли?

- Точно. Я в это время смотрела в окно, ждала внука. Это было около трех.

- Большое вам спасибо.

Рольф подождал еще с полчаса и набрал номер полиции. Стараясь говорить сбивчиво, дрожащим голосом он выпалил:

- Произошло убийство! Кто-то напал на мою жену. Она мертва. Я час назад приехал из командировки и думал, что жены нет дома, но когда заглянул в спальню ... О, Боже! Скорее приезжайте!

Он продиктовал адрес. Полицейские прибыли через несколько минут.

Вскоре все было кончено. Эксперты сделали необходимые снимки, тело Мин отправили в морг. Полиция уехала, в доме с Ральфом остался лишь следователь криминальной полиции.

- Я понимаю, как трудно вам сейчас говорить, но все же обязан задать вам несколько вопросов.

Рольф понимающе кивнул. Его волнение как нельзя лучше вписывалось в картину происшедшего. Он почти не лгал, отвечая на вопросы следователя.

- У вашей супруги были враги?

- Думаю, нет. По натуре она человек необщительный, больше сидела дома ... Со своими друзьями из Кореи встречалась раз в месяц в их клубе ... А так почти все время была с детьми.

- Сегодня после часа дня был в доме кто-то, кроме вас?

- Не знаю. Я приехал из командировки приблизительно за час до того, как обнаружил, что Мин ...

Мой приемный сын Чин уехал раньше. Он оставил записку, что отправляется в горы с друзьями. Вот она.

Ральф подал записку следователю.

- В час дня жена обычно забирает моего сына из школы. Как мне известно, на сегодня у них был еще назначен визит к врачу.

- Не припомните фамилию врача?

- Конечно, припомню. Мы все у него лечимся.

Доктор Клейнман. Визит был назначен на два, думаю, что к трем жена должна была вернуться домой.

- Значит, она вернулась домой вместе с вашим сыном, не так ли?

- Думаю, что нет. Перед тем, как приехать, я звонил домой жене, но никто не поднял трубку.

Тогда я позвонил родителям школьного друга моего сына, они сказали мне, что Рольфик у них, и я тогда, не заезжая домой, отправился прямо к ним и забрал ребенка.

- Ваш сын был здесь с вами, когда вы обнаружили, что произошло убийство?

- Нет. Почти сразу после того, как мы вошли в дом, пришла моя мать. Обычно она всегда забирает внука на субботу к себе. Ей тоже показалось странным, что моей жены нет дома. Мы немного поговорили, затем она забрала Рольфика и ушла.

- Если не ошибаюсь, ваша жена имела еще дочь, которая недавно приехала из Кореи. Где она?

- Думаю, что у друзей ... Бедная девочка еще не знает о случившемся ... Не знаю, как она все это переживает?
Страшно подумать ...

- Действительно ... И все же, может быть вы замечали в последнее время что-нибудь необычное?

Может быть, в поведении жены? ... Вспомните, может, она вам что-то говорила?

Ральф притворно наморщил лоб, сжал виски.

-Нет ... Пожалуй, нет. Хотя ... Мин как-то говорила, что в последнее время часто видит возле дома мою бывшую жену. Да, она еще удивлялась тому, что раньше часто встречала Анну возле школы, где учится мой сын, но в последнее время почти каждый день видит ее возле нашего дома, причем всегда в мое отсутствие.

Теперь я припоминаю! Да, и моя мать, когда заходила сегодня, говорила, что пару дней назад ей звонила моя бывшая жена, интересовалась, дома я или в командировке? Я не придавал этому значения, мы все думали, что она просто хотела увидеть сына. Суд лишил ее прав на ребенка, поэтому она выжидает, когда меня нет дома, чтобы улучшить момент и, может быть, поговорить с сыном.

- Простите, а какое было отношение у вашей бывшей жены к убитой?

Рольф пожал плечами.

- Естественно, Анна ненавидела Мин. Считала, наверное, что Мин отняла у нее мужа, и все такое.

- Понятно, а как госпожа Мин относилась к вашей бывшей жене?

- Безразлично. Порой мне казалось, что Мин по-женски жалела ее.

- Жалела?

- Да, жалела. Сочувствовала, что ее лишили родительских прав.

- Кстати, по какой причине это произошло?

- Моя бывшая жена нигде не работала, особа она психически неуравновешенная, часто пугала ребенка. К тому же, как мне известно, она постоянно меняет любовников.

- А ваш ребенок как пережил разлуку с матерью?

- Мой сын боялся этой женщины и не любил ее. Он называл Мин мамой, хотя и понимал, конечно, что она не настоящая его мать. Это вам могут подтвердить и соседи, и учителя в школе.

- Что ж, господин Шлегель, не буду вас больше утомлять своими вопросами ... Постарайтесь в ближайшее время не выезжать из города. В этом деле еще много неясностей, возможно, мне придется вас вызвать.

А сейчас - до свидания. Понимаю, что нелепо желать вам спокойной ночи.

Ники вернулась домой лишь поздно ночью. Тихо пробралась наверх и сразу же заперлась в своей комнате.

Как ни пытался Рольф заговорить с ней - все напрасно, Ник не произнесла ни слова.

Когда утром приехал следователь, то нашел девочку неподвижно сидящей на кровати. Ее взгляд был тупо устремлен в одну точку. Ни на один вопрос следователя она не реагировала. Уходя, следователь посоветовал Рольфу вызвать врача.

- Девочка так потрясена смертью матери, что это может плохо для нее кончиться, - сказал он.

Через день после убийства Мин, в воскресенье, в двенадцать часов дня, в дверь квартиры Анны позвонили.

Открыв, она с удивлением увидела на пороге трех мужчин, двое из которых были одеты в полицейскую форму.

- Вы ко мне? - спросила Анна.

- Фрау Шлегель?

- Совершенно верно.

- Разрешите войти?

- Пожалуйста.

Они вошли в квартиру подозреваемой.

Следователь окинул быстрым профессиональным взглядом всю обстановку квартиры. Небольшая комната немного перегружена мебелью, но аккуратная и чистая. На стенах - картины, на полках - книги. «А у нее довольно большая библиотека для такой тесной квартирки», - мелькнула мысль.

Следующее, на что он обратил внимание, - это множество фотографий ребенка, мальчика в возрасте от одного месяца и лет до семи-восьми. «Неужели эта маленькая, интеллигентная с виду женщина могла совершить такое чудовищно убийство? Разве что в припадке безумия, но на сумасшедшую она не похожа. Держится спокойно, улыбается, будто спрашивая: «Господа, что все-таки вы тут делаете?»»

- Известно ли вам, что в пятницу, приблизительно в три часа дня, в своем доме при таинственных обстоятельствах была убита жена господина Шлегеля, вашего бывшего мужа? - первым нарушил молчание следователь.

- Нет, - ответила Анна, взволнованная и даже слегка потрясенная услышанным.

- К сожалению, многие показания свидетелей говорят не в вашу пользу. Пожалуйста, оденьтесь и пройдемте с нами. Мы отвезем вас в участок для выяснения некоторых обстоятельств этого дела.

У Анны от волнения пересохло в горле.

- Да, да ... конечно, - осипшим голосом произнесла она.

- Вы меня подозреваете? Но зачем мне ее убивать? Ведь это невозможно. Глупо меня подозревать ... я просто не знаю, что и сказать ... Я не способна на убийство ... да и зачем мне это? ... Невероятно! ...

- Пожалуйста, поторопитесь, в полиции и ответите на все вопросы.

- Да, конечно.

Анна как потерянная прошлась по квартире, не зная, что ей взять с собой.

- Простите, не знаю, что необходимо иметь при себе?

- Главное - ваши документы, и не забудьте запереть квартиру, - вежливо напомнил следователь.

Они приехали в участок. Допрос продлился шесть часов. Ничего нового Анна следствию не сообщила, однако в конце концов ей объявили, что она задержана, как единственная подозреваемая в совершенном убийстве. Слишком многие обстоятельства дела свидетельствовали не в ее пользу, но главное - нашлись свидетели, которых оказалось не так уж и мало.

Прошла неделя.

Мин похоронили. Ее бедная дочь, несмотря на все старания врачей вывести девочку из состояния шока, так и не заговорила. Ее брат Чин все свободное время проводил рядом с сестрой, разговаривал: с ней на родном языке, стараясь вывести Ник из сомнамбулического оцепенения.

Следствие по делу об убийстве Мин Шлегель считалось завершенным. Множество фактов говорило против Анны, к тому же ее прежний адвокат никогда не занимался уголовными делами, и следствие предоставило ей государственного защитника. Следователь порекомендовал Анне своего старинного друга,

которого знал как человека честного, бескомпромиссного и трезвомыслящего. Ему казалось, что именно такой адвокат сможет справиться с этим делом - довольно рыхлым и натянутым, но одновременно сложным. Интуиция и опыт подсказывали следователю, что Анна не убийца, и что если это не роковое стечение обстоятельств, то значит, кому-то очень хочется свалить вину за смерть Мин Шлегель на эту безответную русскую женщину.

Суд начался скоро - через десять дней.

Ввели подсудимую. За две недели, проведенные в тюрьме предварительного заключения, Анна так похудела, что от нее осталась одна тень. В зале суда она выглядела до смерти перепуганной, смотрела на всех исподлобья, как загнанный в угол зверок.

- Это ваш нож? - Голос обвинителя заставил ее вздрогнуть.

- Этот? Похож на мой ... Но я точно знаю, что мой нож находится у меня в квартире на кухне ... Я видела его там в тот день, когда меня арестовали.

Пожалуйста, поищите его в моей кухне, - произнесла она слабым голосом.

- Мы тщательно обыскали всю вашу квартиру.

Похожего ножа не нашли, да и не могли его найти, так как он был обнаружен рядом с телом убитой Мин Шлегель, и на нем наши эксперты обнаружили ваши отпечатки пальцев. Что вы можете на это сказать?

- Я никогда не была в доме своего бывшего мужа. И никогда не разговаривала с ... убитой.

- А ваш бывший муж заявил обратное: вы разговаривали с Мин Шлегель.

- Нет, никогда ... Ах, да, всего один раз, но это было давно, более пяти лет тому назад, в Корее

- И, о чем вы тогда с ней говорили?

- Я просила ее не разбивать мою семью и не лишать моего сына отца.

- Она не согласилась, и вы решили ее убить?

- Господи, это же было пять лет назад!

- Господин Шлегель сказал, что вы в порыве отчаяния грозились убить Мин.

- Да, действительно, как вы выразились, в порыве отчаяния, не контролируя своих слов, я грозилась, что убью, но его, а не ее ... Это были пустые слова ... Я не способна на убийство.

Анна расплакалась.

- Значит, вы признаете, что угрожали, - торжественно произнес обвинитель. - Затем вы поняли, что, убив мужа, таким образом лишите ребенка отца, и решили всю свою злобу выместить на беззащитной женщине?

- Не старайтесь внушить мне то, чего я не делала и даже в мыслях никогда не держала.

- Почему же всю последнюю неделю вы околачивались возле дома убитой?

- Я была там только раз, примерно за неделю до убийства, в надежде увидеть сына.

- Когда именно?

- Не помню, кажется, во вторник.

- Ложь! Есть свидетель, который видел вас за десять минут до предполагаемого времени преступления.

- Неправда, я не была там в пятницу. Это может подтвердить моя бывшая свекровь. В пятницу около пяти часов вечера она приезжала ко мне домой.

- Ваша бывшая свекровь заявляет, что накануне,

а именно в четверг, вы звонили ей и расспрашивали, когда возвращается из командировки ее сын. Она также утверждает, что в пятницу она к вам не приходила.

- Как так? Я дала ей рецепт борща!

- Это все ваши слова. Надеюсь, суду ясно, что данное преступление совершила именно эта женщина. Причины и факты налицо. После выступления обвинителя начался допрос свидетелей. Первой пригласили соседку, живущую напротив дома Шлегелей. Когда свидетельницу привели к присяге, был задан первый вопрос:

- Как часто за последнее время вы видели подсудимую неподалеку от дома господина Шлегеля и когда вы видели ее там в последний раз?

- Не могу точно сказать, сколько раз я видела бывшую жену г. Шлегеля за последнюю неделю, но точно помню, когда в последний раз: в пятницу, около трех часов дня. Я в это время несколько раз выглядывала в окно, ждала внука, поэтому точно запомнила время.

- Вы не ошиблись? Ведь день был довольно пасмурный.

- Думаю, что не ошиблась.

- Почему вы произнесли слово «думаю»? Вы не уверены?

- Нет, уверена, я ведь хорошо знаю эту женщину

- Вы с ней знакомы?

- Нет, лично мы не были знакомы, но я видела ее на суде, когда обвиняемую лишали родительских прав.

- Вы тоже выступали тогда в качестве свидетеля?

- Конечно, нет.

- А в качестве кого вы присутствовали на том суде?

- Я пришла просто из любопытства.

Судья сделал замечание, сказав, что последний вопрос не имеет отношения к сегодняшнему процессу.

Следующей свидетельницей была бывшая свекровь

Подсудимой - фрау Шлегель. На вопрос:

- Ваше отношение к подсудимой? - она ответила:

- Самое обыкновенное. Я считаю ее глупой и....

слишком нервной. Сначала потеряла сына, а теперь...

Страшно подумать, до чего докатилась.

- Когда в последний раз вы видели подсудимую?

- Не помню, очень давно. Но перед убийством, за день до него, она звонила мне и расспрашивала, когда Ральф должен вернуться из командировки. Уже тогда, видно, все задумала, змея подколотая!

Анна не выдержала, крикнула со своего места:

- Неправда! Вы были у меня в пятницу, в пять часов. Вы видели меня в день, когда произошло это убийство!

Милая, родная госпожа Шлегель, скажите им правду, умоляю вас! Я больше не могу! ...

- Подсудимая, - сурово оборвал ее судья, - сядьте, вам не предоставили слова. Успокойтесь!

Допрос свидетеля продолжился.

- Спрашиваю вас повторно, госпожа Шлегель, были ли вы в пять часов вечера в пятницу на квартире у бывшей жены вашего сына?

- Нет, нет и еще раз нет! Все это ее отговорки. Я не раз от нее слышала, что, мол, если Ральф с ребенком к ней не вернутся, то она всех нас уничтожит. Что, может, ты этого не говорила, русская потаскуха?

Фрау Шлегель яростно повернулась в сторону Анны.

- Или я все это придумала? Ну, ответь!

Судья снова сделал замечание:

- Свидетель, подбирайте выражения. Подсудимая, можете ответить на вопрос.

Анна еле слышным голосом произнесла:

- Да, я говорила, что уничтожу Рольфа ... Но ведь это только от бессилия. Пустые угрозы. Я никогда ничего плохого ему не сделала.

- Не сделала? - передразнивая Анну, с возмущением крикнула фрау Шлегель. - Сделала, змея, уже сделала! Хорошо еще, что сына в тот момент не было дома, ты и его бы зарезала. Дрянь!

Судья отпустил свидетеля.

После фрау Шлегель суд заслушал показания воспитательницы детского сада, куда раньше ходил сын подсудимой, а также его школьных учителей.

Со стороны подсудимой выступал только один свидетель - Анастасия Гримайзин.

- Как мне известно, - первым начал допрос адвокат обвиняемой, - вы являетесь ближайшей подругой обвиняемой. Что вы можете сказать в ее защиту?

- Могу сказать, что все, происходящее здесь, кажется мне кошмарным сном. Я не могу понять, каким образом в этот ад могла попасть такая добрая, светлая и чистая душа, как моя подруга Анна. У меня есть только одно объяснение - кому-то необходим этот фарс. Прошу прощения за сравнение, я не хотела нанести оскорбление суду. Я только хотела сказать, что истинный преступник умело замаскировал следы своего преступления. Господин Шлегель, - внезапно обратилась Ася к Рольфу, вздрогнувшему от неожиданности, - после суда над моей несчастной подругой можете подать и на меня в суд, но я здесь и сейчас обвиняю вас в совершенном преступлении! Я признаю, что вы можете быть виновны лишь частично или косвенно, и тем не менее вы - главный преступник. Мне так же неясно, почему не был допрошен сын обвиняемой, Рольф Шлегель-младший?

- Но ведь он еще ребенок! - вмешался защитник Рольфа. - Мы не можем травмировать его, заставляя выступать на суде против собственной матери!

- Вы боитесь его травмировать? - Ася решительно пожала плечами. - Но четыре года тому назад вы не побоялись травмировать психику трехлетнего малыша, на полгода насильно оторвав его от матери. И не постыдились после этого на суде задать трехлетнему малышу вопрос, с кем он хотел бы жить, с папой или с мамой? И только на основании его ответа моя подруга - эта умная, добрая, интеллигентная женщина - была лишена родительских прав, самых священных прав на земле! Почему же теперь вы, господин Шлегель, боитесь показаний своего сына? Может быть, потому что «устах младенца глаголет истина»? Пожалуйста, господин судья, допустите к даче свидетельских показаний сына этой незаслуженно обвиняемой женщины. Она перенесла достаточно бедствий. Этот человек, ее бывший муж, который теперь проявляет трогательную заботу о ребенке, несколько лет назад угрозами и принуждением заставлял обвиняемую, тогда еще свою законную супругу, уехать вместе с ребенком навсегда из Германии. В обмен на свою свободу он предлагал ей деньги – ничтожную сумму. Тогда он не испытывал отцовских чувств к своему сыну. Хочу, чтобы все присутствующие в зале суда знали, что его бывшая жена вместе с его маленьким сыном более двух лет жили в подвале, в доме его матери, без отопления и санитарных удобств, на десяти квадратных метрах, в то время как этот заботливый папаша снимал квартиру для своей любовницы! Не хочу говорить плохо о покойной, тем более в присутствии ее сына, но в Корее любовница господина Шлегеля Мин была известна как женщина с сомнительной репутацией. Это подтверждает хотя бы тот

факт, что корейская фирма расторгла контракт с Ральфом Шлегелем на том основании, что он портит лицо и деловую репутацию уважаемого предприятия. Рольф Шлегель был изгнан из Кореи за аморальное поведение. Все это документировано, я перечисляю лишь факты. И вот- какое совпадение! - именно в день убийства он возвращается из командировки раньше срока. Почему, по тому же странному стечению обстоятельств, никого из детей в это время не было дома? И если мы знаем, где находились мальчики, то совершенно неясно, куда в тот день исчезла Ник? Четырнадцатилетняя девочка, иностранка, недавно приехавшая в эту страну, на целый день неизвестно куда исчезает из дому, возвращается поздно, и ни у кого это не вызывает никаких вопросов? Я лично проверила, в тот день Ник не заходила ни к кому из своих немногочисленных знакомых. Никто ее не видел. Странно, не так ли? Мне кажется, что девочка в момент убийства находилась дома, с матерью. Тогда понятно, почему она пережила настолько тяжелый шок. Она могла видеть убийцу. Ее теперешнее молчание объясняется не только пережитым потрясением от смерти матери, но и страхом за свою жизнь. Почему же суд не пожелал выслушать возможного главного свидетеля - дочь убитой?

Судья ответил:

- Девочка все еще находится в состоянии шока и не может давать показания.

- Тогда как вы намерены вынести объективный приговор на основании частичной информации? Следовало бы найти хорошего переводчика и уговорить девочку дать показания, или же отложить судебное разбирательство до тех пор, пока Ник не заговорит. Я беседовала с врачами, наблюдающими за девочкой. Они

тоже предполагают, что ее молчание вызвано не столько шоком, сколько нежеланием говорить вообще.

Рольф не выдержал, закричал со своего места:

- Все это ложь! Моей приемной дочери не было в тот день дома, а эта женщина - интриганка и сплетница! Это она настропалила мою бывшую жену против меня!

Ася невозмутимо ответила:

- Наша дружба с подсудимой началась в то время, когда Анна оказалась практически без средств к существованию, поскольку ее супруг Рольф Шлегель отослал ее с малышом из Кореи назад в Германию, в подвал своей матери, чтобы самому остаться в Корее с новой любовницей. Кстати, о его матери, фрау Шлегель... В пять часов вечера в пятницу фрау Шлегель действительно была в гостях у своей бывшей невестки.

Моя подруга Анна позвонила мне приблизительно в пять, сказала, что к ней заехала бывшая свекровь за рецептом борща и спросила, обязательно ли добавлять в настоящий борщ сухие грибы. В это время в трубке я услышала голос фрау Шлегель. Как вы могли убедиться, у этой дамы очень резкий и сильный голос. Она что-то сказала Анне, и я могу поклясться, что это была именно фрау Шлегель и никто иной. Следовательно, два дня тому назад, давая свидетельские показания здесь, на суде, эта дама лжесвидетельствовала. Почему она это делала? Кого хотела выгородить? То же самое я хочу сказать и о допросе соседки, якобы видевшей Анну возле дома Шлегелей в день убийства. Почему она сказала: «Думаю, что это была она». Если человек в чем-то абсолютно уверен, ему не надо думать, кого он видел. Мне кажется, что справедливое и правильное решение суда зависит от показаний двух детей, дочери покойной Мин и сына обвиняемой.

Посоветовавшись, судья зачитал решение суда отложить слушание дела на три дня в связи с появлением новой информации.

Эти несколько дней промелькнули для Анны незаметно. Настал последний, решающий день. Сегодня судья должен будет огласить приговор. Но сначала перед судом должны выступить два новых свидетеля: Рольф Шлегель-младший и Ник, сын обвиняемой и дочь жертвы.

Первым в зал суда вошел Рольфик. Он держался очень спокойно и серьезно. Когда восьмилетний свидетель занял свое место, судья обратился к нему:

- Рольф, как я вижу, ты уже довольно взрослый мальчик, поэтому мы тебе зададим несколько вопросов, а если ты по какой - либо причине не захочешь на них отвечать, то можешь молчать. Не возражаешь?

- Задавайте любые вопросы, я буду отвечать, - живо сказал мальчик. - Хочу, чтобы преступник, который убил мою любимую Мини, был наказан по заслугам.

- Вот и отлично. Расскажи нам, как ты провел весь день в пятницу, когда было совершено преступление.

- С самого начала?

- Да, с самого начала.

- Ну, утром, как всегда, Мин отвела меня в школу. Это было в 9 часов. В час дня Мин меня забрала из школы, и мы пошли к доктору. Оттуда мы сразу пошли домой. Дома я попросил Мин, чтобы она разрешила мне пойти поиграть к Юзефу, моему школьному другу. Его папа купил новый компьютер, совершенно новую модель. Мин разрешила, и я пошел к Юзефу и был у него, пока за мной не заехал папа.

- Ты все время был дома у Юзефа или вы с ним выходили погулять?

- Я был у него все время... Хотя нет, я на минутку возвращался домой, забегал за своей игровой приставкой. А потом все время играл у Юзефа, пока папа меня не забрал. Я был немного удивлен, потому что он никогда раньше за мной не заезжал.

- Рольф, а когда ты забежал на минутку домой, чтобы взять приставку, кого ты там видел?

- Я видел Мин, но она меня не заметила.

- Ты ее окликнул?

- Зачем? Я подумал, что даже хорошо, что она меня не заметила. Она в тот момент вышла из кухни и стала подниматься по лестнице на второй этаж. Вид у нее был немного странный.

- Она держала что-нибудь в руках?

- Кажется, нет. Извините, я не могу вспомнить. Я быстро взял приставку и побежал к Юзефу.

- Твоя бабушка часто забирает тебя на субботу к себе домой?

- Что вы, очень редко! – непосредственно воскликнул мальчик. - Я ужасно не хотел к ней идти, я ведь уже договорился с Юзефом, что в субботу сутра снова приду к нему, а тут на тебе! Но с моим папой спорить нельзя, особенно когда он не в духе, а в тот день он был особенно не в духе. Поэтому я и не спорил.

- Когда папа за тобой заехал, он спросил у тебя, где Мин?

- А зачем ему было спрашивать? – удивился Рольфик.
- Ведь Мин всегда дома.

- Ах, да, конечно, ведь папа тогда еще не знал, что Мин в спальне, а спальня закрыта на ключ.

- При чем тут ключ? - не понял уловки Малыш.

- Ведь только папа запирает спальню на замок, и ключ есть только у него.

Судья удовлетворенно кивнул:

- Спасибо, Рольфик, ты нам очень помог. Можешь идти. Хотя постой, подожди минутку. Видишь, на том столе лежат улики? Посмотри на них внимательно, может быть, некоторые из этих предметов тебе знакомы?

Малыш приблизился к столу для вещественных доказательств.

- О, наш нож! -быстро воскликнул он, указывая на орудие убийства. - Такой же нож, как у нас дома. Мин много раз говорила, что это ее самый любимый нож и меня предупреждала, чтобы я его не трогал, потому что он очень острый.

- Ну, молодой человек, теперь вы свободны.

Еще раз спасибо за помощь. Рольфика увели из зала суда. Защитник Анны торжествовал.

- Вот вам и «незначительный» свидетель! Теперь многое проясняется. Если бы в доме находился посторонний, а тем более подсудимая, то убитая Мин Шлегель принимала бы ее в гостиной на первом этаже, но ни в коем случае не пригласила бы наверх, где расположены спальни. Значит, наверху находился кто-то свой.

Судья снова перенес окончание слушания на три дня, поскольку из-за показаний Рольфика возникла насущная необходимость в вызове новых свидетелей.

Решено было выслушать показания сына убитой Чина Лао и дочери Ник.

Через три дня суд возобновил работу. Первой к присяге была приведена Ник. Ее брат Чин попросил судью быть переводчиком сестры, объяснив, что с ним Ник станет говорить более откровенно. Судья согласился, но на процесс был приглашен и профессиональный переводчик

для подтверждения правильности всего, сказанного свидетельницей.

Четырнадцатилетняя худенькая Ник заняла свое место. Она держалась робко, смотрела по сторонам с испугом и растерянностью. Брат подбадривающе улыбался ей, сидя рядом.

- Согласны ли вы отвечать на все вопросы, которые суд намерен вам задать? В состоянии ли вы говорить?

Чин перевел вопрос на корейский язык.

Его сестра молча утвердительно кивнула головой.

- Находились ли вы в доме в то время, когда было совершено преступление?

Ник вздрогнула всем телом, устремила полный немого отчаяния взгляд на Ральфа. Он отвернулся, делая вид, что не смотрит в ее сторону. Ник перевела взгляд на Анну, побледнела и что-то пролепетала на родном языке.

- Да, - перевел Чин.

По залу пронесся недоуменный шепот.

- Вы хотите сказать, что были свидетельницей преступления? - удивленно произнес судья.

- Не совсем, - перевел Чин.

- Объясните, что вы имеете в виду.

Ник отрицательно покачала головой, зашептала что-то на ухо брату.

- Она не может об этом говорить, - ответил за сестру Чин.

Судья не стал настаивать.

- Хорошо, тогда отвечайте на мои вопросы только «да» или «Нет». Итак, была ли эта женщина (он указал на Анну) в момент преступления в вашем доме?

Ник отрицательно покачала головой. Нет!

- Видели ли вы когда-нибудь эту женщину в вашем доме или рядом с вашим домом?

Ник осветила отрицательно.

- Говорила ли ваша мать с вами о бывшей жене господина Шлегеля?

Ник ответила отрицательно.

- А Ральф, сын господина Шлегеля, говорил когда-нибудь о своей настоящей матери?

Ник ответила отрицательно.

- А сам господин Шлегель?

Ник ответила отрицательно.

- Хорошо. Скажите тогда, как господин Шлегель относился к вам?

Ник ничего не ответила.

-Хорошо?

Снова в ответ - молчание.

-Плохо?

Ник не отвечала, сидела неподвижно, опустив голову. По ее щекам катились слезы.

- А вы сами как относились к мужу вашей матери? Он вам нравился?

Ник быстро отрицательно помотала головой.

- Можете ли вы объяснить причину вашей неприязни к отчиму?

Ник снова ответила отказом.

- А вы нравились господину Шлегелю, как вы думаете? Вас он любил?

Ник довольно долго молчала, затем взглянула на растерянного Ральфа. Он незаметно покачал головой, подсказывая, что ей следует отвечать отрицательно.

Ник кивнула утвердительно и тихо произнесла:

-Да!

- Интересная ситуация, вы не любили своего отчима, а он вас любил. Может, он любил вас как свою дочь?

Ник ответила отрицательно.

- Значит, как мужчина женщину'?

Адвокат Ральфа вскочил со своего места.

- Я протестую, господин судья! Это вопрос неуместен.

Не забывайте, что она еще ребенок!

Судья доброжелательно улыбнулся Ник, кивнул:

- Прошу вас, отвечайте на заданный вопрос.

Чин с недоумением посмотрел на судью, затем на сестру, словно не решаясь перевести ей подобный вопрос. Наконец он справился со своими чувствами и перевел. Его сестра ответила утвердительно.

-Да!

- Что «да»? Господин Шлегель любил вас как свою дочь?

-Нет!

- Он любил вас, как мужчина женщину?

-Да!

- Добился ли он своего?

В ответ - молчание.

- Хорошо, спрошу проще. Пытался ли господин Шлегель взять вас силой?

Ник расплакалась и тихо сказала «да».

- И сколько раз это повторялось?

Молчание.

- Раз, два?

Ник не отвечала.

- Значит, много раз, не так ли?

Ник, дрожа всем телом, кивнула.

-Да, да, да!

- Ваша мама знала об этом?

Ник разрыдалась и почти закричала:

-Нет! Нет!

- Успокойтесь, - мягко посоветовал судья.

Допрос на некоторое время прервали, чтобы Ник могла успокоиться и взять себя в руки.

- В пятницу, около трех часов дня, вы находились в спальне вместе с господином Шлегелем, не ожидавшим внезапного возвращения вашей матери, не так ли? Она застала вас в спальне?

Ник ответила утвердительно.

- И тогда господин Шлегель пошел на кухню, взял нож и убил вашу маму?

- Нет! - в отчаянии произнесла Ник.

Она близко наклонилась к брату и что-то зашептала ему на ухо на родном языке. Побледневший юноша, чуть заикаясь от потрясения, перевел:

- Она не помнит, что произошло потом. Помнит только, как очутилась в дверях спальни и увидела, что Рольф Шлегель стоит с окровавленным ножом в руке над телом мамы. Он приказал ей молчать, уйти из дома и возвращаться попозже ... Пожалуйста, пожалейте мою несчастную сестру! - воскликнул он с дрожью в голосе. - Не нужно больше вопросов! Она этого не перенесет.

Судья полностью с этим согласился.

Дело об убийстве Мин Шлегель было передано в прокуратуру для доследования.

- Обвиняемая Анна Шлегель! С вас снимаются все обвинения. Вы свободны. Прошу судебного врача заняться свидетельницей Ник Лао. На этом работу суда над делом об убийстве Мин Шлегель считаю временно закрытым.

Рольф Шегель был арестован прямо в зале.

***

Прошло три года, и эта история приблизилась к своей развязке. Рольф получил десять лет за убийство жены, и то лишь потому, что его адвокат сумел убедить суд, будто обвиняемый совершил убийство не преднамеренно, а в результате самообороны.

Рольфика-младшего вернули маме. Малыш теперь не желает иметь ничего общего не только с отцом, но и с бабушкой, которая лжесвидетельствовала на суде против его матери.

Чин Лао получил немецкое гражданство и сейчас работает программистом в одной кампании. Его сестру Ник сразу же после суда усыновила бездетная немецкая семья. Приемные родители любят ее, как родного ребенка. Не проходит и месяца, чтобы они вместе не принесли свежие цветы на могилу - Лин.

А что же Анна?

Она счастлива. У нее есть все, о чем она только могла мечтать: сын, уютный дом, близкая по духу подруга ... Что еще нужно женщине?

22. 12. 1994

г. Эссен - Германия